

СМЕНА

№ 21 НОЯБРЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВИЛЬНИУС:
СОЛНЕЧНЫЕ
КВАРТАЛЫ

К. 6516

СМЕНА

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц
№ 21 (1019)
ПОЛЪРЬ
1969

вианами свернулись оранжево-зеленые насосы. Особенно два огромных — «Вог» и «Сос» — Борис кинулся на правый.

Для самых больших насосов гонят стоки на прудострой. Сначала работала одна италия. Вода изливалась. Загущуку вылило. И горючие печеночные воды хлестнулись из метрового зерла в насосную. Три тысячи кубов в час. Девчата побежали от воздухоподук. Труба плывала челомком. Послали за Борисом. Слой воды все рос — по цикловоду, по колоде, по поас. Еще в машине Борисов вспомнил: кому-то платили в насосной за рационализацию. Да, конечно, техник предложил пугубок на случай аварии. Кажется, он же спроектировал и аварийную загущуку. Кто-то на парней пополз по насосу к пугубку. Рядом, в полутора метрах, извергла стока метровая труба. Парень радостно замчал пугубок: есть аварийная загущука! На поможона понос слесарь. Загущуку задрали. А к па — трубку приставили насос. Чех был спасен.

По развалам глины и песка, мимо рымающих в радиальных отстойниках буродовер сновом и бетонопомпе забиралу арболитов. Снова по гудкам мосткам.

— Через час вода пойдет на воздухоподук по системе озеленяния, — говорит Борисов начальнику биостанции. — Тогда пусть себе чальничат пивнши. Он рад, что напугу так выход. Мы едем мимо болот, взрослых кустириковой березки, елочками-карликами.

— Что здесь было, Ивгичин?

— А вот это и было — болото. Болото и мошпа.

Борисов приехал в Эжву в августе шестидесяти четвертого. Дурманом багульника дышало болото. По утрам под сопелами завывала в двухметровой ледок. В раскорченном буродовероми мелкелесе зарождалась нынешняя Эжва. На подоконниках ювеничных домов подкупилами лежали комары. Выла земля, и по поас гравля, шпательной спелочности. Мы едем мимо болот, взрослых кустириковой березки, елочками-карликами.

— Что здесь было, Ивгичин?

— А вот это и было — болото. Болото и мошпа.

Борисов приехал в Эжву в августе шестидесяти четвертого. Дурманом багульника дышало болото. По утрам под сопелами завывала в двухметровой ледок. В раскорченном буродовероми мелкелесе зарождалась нынешняя Эжва. На подоконниках ювеничных домов подкупилами лежали комары. Выла земля, и по поас гравля, шпательной спелочности. Мы едем мимо болот, взрослых кустириковой березки, елочками-карликами.

— Да-а, целых пять лет прошло, — говорит Яна.

— Всего пять лет, — говорит Женя.

Время натлило лихорадкой, расстерженное климатом на полосу жестоких морозов, кратких весен и знойных, безоблачных дней. Не успели уже пять июля прошон?

А кажется, совсем недавно в морозную ноябрьскую ночь встречали первый шпелон ударного комсомольского лавера. Пятисот демобилизованных солдат. Шпелон опавшая. Деревенские лица, иней разукрасил бородам и фат-целлолово. Один наречный котел ростом с двенадцатипятизную башню.

— Да-а, целых пять лет прошло, — говорит Яна.

— Всего пять лет, — говорит Женя.

Время натлило лихорадкой, расстерженное климатом на полосу жестоких морозов, кратких весен и знойных, безоблачных дней. Не успели уже пять июля прошон?

А кажется, совсем недавно в морозную ноябрьскую ночь встречали первый шпелон ударного комсомольского лавера. Пятисот демобилизованных солдат. Шпелон опавшая. Деревенские лица, иней разукрасил бородам и фат-целлолово. Один наречный котел ростом с двенадцатипятизную башню.

— Да-а, целых пять лет прошло, — говорит Яна.

— Всего пять лет, — говорит Женя.

Время натлило лихорадкой, расстерженное климатом на полосу жестоких морозов, кратких весен и знойных, безоблачных дней. Не успели уже пять июля прошон?

А кажется, совсем недавно в морозную ноябрьскую ночь встречали первый шпелон ударного комсомольского лавера. Пятисот демобилизованных солдат. Шпелон опавшая. Деревенские лица, иней разукрасил бородам и фат-целлолово. Один наречный котел ростом с двенадцатипятизную башню.

стрым болгарским крестом, репродуцирными на журилово, привнеси морозные лавы слез. С хвон капало на чисто выскобленный пол. Никто не спал тогда в Эжве. Ребята в солдатских гимнастерках расхаживали, как на равное, по своим этажам. Каждый у себя — свой этаж. Здесь котаме оформляли документы, отчитывали аванс, давали комнату. И в арамете отталявших слез красная от волнения девушка читала только что сочиненные стихи.

Борисов сидел тогда в общежитии на широкой табуретке, прислонившись спиной к стене. От мороза горело лицо. Мимо к столу с документами протискивались вчерашние солдаты. Русые, черные, рыжие, шпеломы. Татары, русские, убабы — полный интернационал. Жизнь повернула их судьбы сюда, к стуровому клочку незнакомого земли, где зарождался бумажный гигант. Отныне жить им вместе. И от того, какой выйдет встреча, что даст им ратущая стрелка, чему научит, что заставит любить, зависело будущее молодых ребят, вымывавших на стол еще ни разу не обмененные паспорта. «Борисов, или солдат, кто придет? — кричала ему радостный Вывеес из кружка обступивших его солдат. — Иди, тут есть вопросы к комсомолу. Люди долгие почувствовали себе дома, им должно быть хорошо, душа. Борисов, куда бравасе между одинаковых плеч — спиши. Они должны опундуть перенутья. Надо им ее покалат, заразить радостью стрелки, природы, свежего ветра, низких северных звед. От душога, шума, долгого ожидания на море все казаласе особенно торжественным, и было все немного жал.

Борисов любил шумные, деловые скопления людей. Еще студентом, на практике, он уланули из конструкторского бюро в лаводоучу техникуму козлю Кочмарку. Кудам казаласе ему ишуняким, пока сам, своими руками, собственными сермиз вывильными не понавше, не разберше по кочкам все материалы комплекса: рождения железа, машии, бумага. При нем строили в Эжве первый завод, при нем тащили к автобусу «челюдаки те, кому поселок «Сувоников» казаласе слишком близким, а кинотеатр «Светлякара слишком далекими. «Не вышлону строительной пераберихи, — говорил Борисов один из отъезжающих специалистов. — Главное для инженера — хорошие условия труда».

Главное — ответственность, считал Борисов. Мать, всю жизнь проработавшая на железной дороге, не раз рассказывала ему, что в войну, когда не было ни самфоров, ни твердого расписания, она не слыхала об авариях.

Комбант поднимался медленно. Стоял страшно дорого. Ничего, он все вернет. Страна на уже не может без ЛПК — 800 тысяч тонн продукции! Сметывавшим горды: «Лучшая бумага в Советам». Я еще ни разу не встречал, чтобы скважали: «У нас худшая». Но очень возможно, что здания бумага будет действительно лучшей. ЛПК поглотиат продукцию трех аэропромоов — не один бор в год. Деревья же илывеи ушли от низкого сосу. Нужна бумага — валит лес. Бревна плвзут сюда по Выгчеге, их везут на железнодорожных платформах, грузят на ассевомы. Древине высекали кошинские их мелкии и стуровые. Мы илывеи ушли от низких низких предков. Мы ишнем на елках и сосне. Щелочко выльчатем, в илвну раскатываем клетку, сочмиваем соданием и кипроломом. Мелкии же илывеи ушли от низкого сосу. Изменяются столетние кроны. Розовые, еше живые стволы шпелулатся от теплого загара. Смыслетсе сучки довержно плвнут к ногам.

Наша обложка: иллюстрация художника Люба Лезнев. Материал о ней и ее товарищах читайте на стр. 12—17.

7 «КРУГОЗОР СОВРЕМЕННИКА». Интервью с известным советским кибернетиком, академиком В. М. ГЛУШКОВИМ.

9 ЮРИЙ НАГИБИН. «РЕДКИЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ». Рассказ.

21 Репортаж о съемках фильма ВИТОРИО ДЕ СИКА «Подсолнухи».

24 Очерк МАРКА ТАРТАКОВСКОГО о чемпионе XIX Олимпийских игр ВАЛЕНТИНЕ МАНКИНЕ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:
ИНТЕРВЬЮ С ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЦК КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЭСТОНИИ И. Г. КЭБИНЫМ

ФОТООЧЕРК ИЗ КАЛИНИНГРАДА
О ЮНЫХ СОЗДАТЕЛЯХ РОБОТОВ

РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК:
ПОСТУПИЛ И УБЕЖДЕНЫ.
РАССКАЗ О БРИГАДЕ СЛЕСАРЕЙ
БРЯНСКОГО
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЛЕЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замыштин, Ф. Ш. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лявров, А. А. Лисянов (ответственный секретарь); В. В. Луцкий (заместитель главного редактора); Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов (главный художник).

Художник О. Теслер

Технический редактор Н. Будкина

Сосна — для малыша, радостно пачкающего альбом первой в жизни акварелью. Сосна — для договора о ненападении. Для первой записки.

Мелозвучная, атласом скользящая под пальцами гасетная, жемчужно хрусткая, снежная снежная веревка. Коробочка от кукушки тина «Ира», коробка для телевизора, картон-упаковка, картон-изолятор, обложка, гильза, почтовая, игрушечная. Вязаная целлофановая.

Сыктывкар даст 800 тысяч тонн. Поскорее бы, их так жадут!

Каждый день ровно в три собрался штаб строки — КП жаркого, продуманного сражения. Бумажные странички делились опытом. Стратегия дробилась на местные результаты. Борисов приходил сюда как член комитета комсомола и представитель отдела главного энергетика. Первым пусковым объектом была ГОЭ. Кооперативная и республикане. Не энергия ждал Сыктывкар, на нее надежда гавельный север. Борисов торопил поставщиков — раз пять был в одном Ангарске. Потом три месяца их принимала предупредительная и расчетливая «Металлургия», навесились размеры «Три алмаза». Везде Евгений присматривался, искал полезнаго, что стоило бы пережить — у своих ли, у яловцев. У него были крайние, пристальные глаза. Они видели прочтены в чистых листах новизны реальных проектов. Экономический эффект внесенных Борисовым предложений приближался где-то к четвертой сотне тысяч. Он занимался рационализацией не только на производстве, но и в технике, но и потому, что чувствовал себя хозяином строящегося комбината, хотя хозяевами были еще строители.

Первое, что сделал Борисов, став главным инженером, — избавился от тех, кто сложен был стать хозяином. Среди них было два начальника цеха. Он понимал, что не всем повяжется столь жесткое начало модельного «главного». Но готов был встретить вскому спорнойшей новизны. Он знал, что на ней непременно придет понимание. Так было, когда он вдруг решил выдвинуть Николая Кошкина.

У того напористого, резкого человека не летало сложилось судачье. Надеялся на успех, заключение. Потом поселок «условников», лаборатория высочайших сетей, заочно отличный диплом в Московском энергетическом институте. Борисов хотел иметь Кошкина замком. Не удалось. Тогда он посылал его замком начальна цеха. Потом начальником. И лучшего начальна цеха нет. Кошкин умеет быть хозяином, умеет доройт доброту, хотя оне и общепародное, а у народа всего много. Мне кажется, Борисов справляется без спешки и истерики с невозможным своим хозяйством именно потому, что людно подбирая ветеропило, внимательно, с редким чутьем пришедшего административора, почти не выходящим на долю молодых.

На пусковом объекте приходится быть особенно требовательным и осторожным. Любая оплошность может обернуться трагедией. В декабре давали первую парку. Реци, куски целлофаном на память. Разбили бутылку шампанского о сталь выдувного резервуара. На банкетке были гости за успех, за мелозвучную бумагу, за строителей и их премников. Начальник цеха тревожно прохрюкал. И тут же заглянул телефонным глазом инженера, технолога, начальна цеха. Взорвался марочный котел! Поழுветель, высказываясь в лютый декабрьский мороз. Вывар парочко-то — это весь главный корпус к черту, нет завода сульфат-целлофаном. Обломки дмящихся перекрытый, непонравивший урон. Бежал, обжигая морозом легкие, босик поведению. Но случившееся. По инертности, естественне — наверх, ко второй отметке. Один пролет, второй, третий, восьмой. В провал стены чернею лютые небо. Варочный котел был на месте. Но вокруг все разномло, будто рвануло здоровенный утробу. Выдувной резервуар, тот самый, на котором едва выскола сладкая пена шампанского, стоял обожерженней: стальная крышка сорвана, обломки раскроили череп.

Ночью, после того, как едва стоявшие на ногах от усталости «бумажники» двинулись гуртом на краткий банкет, в гудякой утробе резервуара наверху никем не замеченная

катастрофа. Варочный котел давал миллионую. Но комбинат еще не работал, и расклеванное варено принимал выдувной резервуар. Все было бы прекрасно и ничто не омрачало бы тихой радосте расвета, если бы нагретые пары, поднимаясь на резервуар, не астрелили в трубопроводе неожиданное и непрогнозируемое препятствие. Могучая чужутина заслонка напроцуд отгородила их от эвжанского неба. Эта необрешаемая монтажными, испытывавших трубопроводе, привела к тому, что где-то в течение ночи мучи давление в резервуаре стало критическим. И в тот момент, когда Эваж вступил счастливым сном, стальная крышка резервуара завалилась на сорочестроющую высоту, круша на пути перекрытый стены. Варивной волной вышибло доверки на плуте и разметало по углам ночную уаду. Плечевые пары рухнули в чех. Выли миллионские струйки, ударив в стену оплеванные. Ахали те, что проспали ночной варки и еще не видели обожерженею нутра «варки». Десять дней был аврал, десять дней лихорадало завод. Десять дней со всех сторон разглядывали окрестности аэмопучную наугадку с загнутым на фланец язычком. Вот чем чревата халатность на пуске.

— Главное — это кто рядом с тобой, — говорил Борисов. Да, пожалуй, это главное...

К решению любого человека сваять свою жизнь со стройкой он относится серьезно. Уверен, что для большинства это не завод в жизни, но стараться, возбудить потенциал может закрутиться отличная, крепкая биография. Сам Евгений, несмотря ни на что, искренне любил Эважу. Она дала ему сына, дом, ответственную и любимую работу.

Жизнь его идет по восходящей, к сбудным, стремительным разгоном молодости. И он хочет, что так было у всех. Помогая новичкам походить этот край, он добьется с ними до понимания, возбудит потенциал, может закрутиться отличная, крепкая биография. Сам Евгений, несмотря ни на что, искренне любил Эважу. Она дала ему сына, дом, ответственную и любимую работу. Жизнь его идет по восходящей, к сбудным, стремительным разгоном молодости. И он хочет, что так было у всех. Помогая новичкам походить этот край, он добьется с ними до понимания, возбудит потенциал, может закрутиться отличная, крепкая биография. Сам Евгений, несмотря ни на что, искренне любил Эважу. Она дала ему сына, дом, ответственную и любимую работу.

Иногда мы досуждем: кто знает, на того и гурат. Он и главный энергетик, он и секретарь. Но, перебирая крупное и мелочу в тех немногих часах, что сваяны нас с этим всеядным и сбалансированным человеком, мы приходим к простой и очевидной мысли: прекрасно делают свое дело не просто хорошие специалисты, но люди, страстно заинтересованные в судьбе другой, людоеисследователь, научные, искусство общепонимания, терпением. Он не верю в хорошего инженера, которому искренне наплевать, где проведат вечера его рабочие. Не верю в ученого, которому безразлично, кто возглавляет их институт. Науку, технику, искусство движут только те, кому НЕВЕВРАЗЛИЧНО.

...Вечером, распахивая окна в своем необожерженном, прокуренном кабинете, Борисов сокрушается:

— Вот черт, опять ничего не успел вам показать. Ну ничего, приезжайте этак через полгодика...

Как раз на пуск второй очереди, — подсказываю я.

— А ведь верно! — Борисов по-мальчишески звонко смеется. — Опять будет пуск. А потом еще цех гасетной бумаги!

И мы долго стоим у раскрытого окна, прислушиваясь к ритмичному дмянанию комбината. Рядом, в переплетении дорот, ползут могучие самозавальцы. Гремели, лобяей, слышат поезда и толстая красная стрела на карте. Поток дерева, металла, ледяной. Юная, беспонятная дочь Сыктывкара, дочь республики — Эваж.

Адольф ДИХТЯРЬ

ГЕШЬ О ПЕРЕХОДЕ ЧЕРЕЗ СИВАШ

ПОЭМА

...об этом нельзя ни весел сложить,
Ни про то так рассказать.

Николай Тихонов

Запев

Время превращает пути в ямь.

В огнечеты — яровь.

В легенды — быль.

Только ветер

(или память)

мне

называет песни в тишине.

Путь,

метеорный посылит вам

положи на музыку Сиваш.

Ветер

(или память),

научи

песнями, смерть разншим наловал!

Эти песни стали горячи

в пламенных горгах запевал.

И не сплутт песни грозных лет.

Стояку в них оня растворено,

что не мерикт ни глубинный свет,

загустек, как старое вино.

Сколько же осталось в комьях

черепов пробитых — боняк веел.

Хоть могильи замело песком,

хоть забланы стерло мнелю

— вместе с материнским молоком

права предков нам передана.

И, верны ея гробы слова,

повторю тут по слогам:

«Родина,

не счастье таюк утрат,

жгучим трупом глеющи в душе.

Поим их,

за Брест и Сталинград

принимавших бой на Сиваше.

I

Археолог не отыщет пугль.

Дым осен в сединах ковыля.

Но агонияе лишь подаруль —

и тогда танцить,

что земля —

желтая страница дневника.

Кипит и орунует на ней

люди записали на века

поиске временных в вечных дней.

Жизнь венками из живых цветов

бренные курганы обана.

Меловая тропка,

точно шаш,

было расклеванный добела.

Грелора Бориса ДОПЕ

Раковина рылак лежит
флягой проржавленной на песке.
Сивашу давно принадлежит
то, кто с нею был коротокте.

Но расписищу сквозь смятые вод
[сразу. Только узлом к ней прильну]:
«Помогите...» —
раненый зовет.
Шелчет: «Плыть...»
А сам идет ко дну.

Раковину дочке подарю.
Только бы вернуться мне домой!..

Прислунала тишина зарю
[или знала с траурной каймой].

Прошлое — лишь руку протяни.
Близко.
Рядом.

В несольных шагах.
Комиссар, затвнутый в ремень,
по тропе кривости прошагал.
Я хочу обнять свою мечту.
Но сжимают пальцы пустоу.

Лышь носулась моего лица,
будто вздох,
цветочная пыльца:

— Я с тобой.
Хоть нет с тобой меня...
Прошлое и будущее — одно...
Не дожидься впереди огня,
если позади тебе темно...

За тобой погибше.
Взгляни —
разве тени прошлого они!

Мертвая пехота не мертва.
Только месяц протрубил подъем,
снега,
как зеленая трава,
прорастает она сквозь чернотам.
Даме смерть солдату не страшна,
если он к родной земле приник.
Сила чернотам в нас.
Она
землю пробивает, как родинк.

Видишь, он при свете красных звезд
заткнут кражеский окол.
Он и на воде оставил след,
чтоб оставишь след в твоей судьбе.
Видишь, он при свете красных звезд
заткнут кражеский окол.

Ты бы не поднялся в полный рост,
если б он не вползал на Перелом.

Вслушайся:
Сиваш... Сиваш... Сиваш...
В этом слове отсвет дальних гроз.
Что же ты потопкам передашь,
если встанешь в богатый рост!

Мыслям повинуется слова.
Слова и слову.
Как бойцы в цепк.
По призыву кровного родства
сквозь года
по взломанной стелк
к плещущему в сердце Сивашу
я на помощь родичам плешу.

Это не туман со всех сторон
обстывает цели камыша.
Это взводит первый батальон
в пасмурные воды Сиваша.

По зыбучим заводам летят
голубые облесен штанков,
и в прибрежных травах шелестят
ленточки кронштадтских моряков.

Всплывает горькая вода,
холодно плещет салоги:
«Мальчик,
ты куда спешишь!
Куда!
Молодость свою побереги!»

От заната кумановый, плес
ветром собран в складки,
словно шелк.

[Или эти знамя не донес
человека,
который первым шел!]

Должен первым выйти батальон
толпам,
под пулями
пройтк.

Трудный путь...
Зато короче он
легкого окольного пути.

Знамя, словно парус над водой,
агы парус молодой страны.
Мы его над Крымскою грядой
вознести любой ценой должны.

Смотрит Лени в грозовую тьму
пристально,
по-снайперски, вприцур.

и видиш отчетливо ему
дымные глазищи амбразур.
Далеко от Крыма до Кремля.
Но из сердца
искры телеграф
выскалет,
словно из кремля,
тонок мыслей ленинских вобрал.

Искра к искре.
И слова вождя,
из Москва донесшиеся к нам,
по живой цепи сердец пройды,
в молнию сплелись на страх врагам.
Знамя — парус.
А приказ — колыба.
Это он ведет к победе нас.

Пулемет строчит, чтоб этот миг
накрепко пришить к грядущим дням.
Чтоб сминал сердца предсмертный
крик
через вех родившимся парям.
Дух убитых должен в плоть врати,
семена взойти и дать плоды,
потому что не конец пути
там, где обрываются следы.

Палец мой на спусковом крючке,
и спокойней дедовской руке.

II

В пласт годов врубает пулемет
сбиваемые точки и тире.
Это он сквозь ночь шифровки шлет
правнукам, рожденным на заре:

— Если ты не в силах дорожить
делом, что живешь, чем жизнь сама,
и живешь,
чтоб только жизнь прожить,
значит, злел изводишь задарна.

Мы хотим,
чтоб, собственным огнем
озарив свой дук,
ты посмотришь:
есть ли искрометный порох в нем,
или порох предков отсырел!

Прокали огнем умные зянь,
чтоб, встретив смерть
в урочный миг,
знать, как надо голову сложить
за потомков, не вошедших в мир.
Чтоб они,
как ощущают свет,

ощутили кровное родство,
чтоб захитло им на много лет
пороха сухого твоего.

Плепел!
Мало только умереть.
Чтобы плепел стать —
сумей согреть!

Мы тебе приказываем:
— Встань
у знамен свободы на посту.
Пусть штыком блистательную сталь
инноверы выдят за версту.

Сердцем, как щитом, от пуль
прикрой
Родину свободную свою.
А убьют...
Свернется в пули
кровь,
пролитая в праведном бою.

И тебе прощанья не найти,
если ныне знамя ты предашь.

Жизнь прожить — не поле перейти.
Перейти под пулями Сиваш.

III

Травы встали выше головы —
открыли распотанной траве.
Птицы набирают высоту —
внуки птиц, сторовиши на лету.

Из пробитой фляги не испить.
Не кадеты исплашай патронаташ.
В ту же воду дважды не ступить.
Все течет...

Но только не Сиваш.

И сквозь толщу пасмурной воды
внуку,
как по илнотому дну
к Перелому тянутся следы
через всю грандиозную войну.

Тридцать наблукв
и тридцать лет
я стоял,
пока дошел сюда.
И всю жизнь смотреть мне будет
строго свашская вода. вслед

К 100-летию
со дня
рождения

Ленин
и
современность

Анти- Пасквиль остров

«Ну и дома строят на Капри — холодно, не греют!»

Но были и такие:

«Обратите, что Капри получил уже известность даже в общей русской литературе как литератураторский центр ботостроительства, азначило бы издаться над фактами».

В этой формулировке, по-ленински едкой, непримиримой, — отголоски острой философской борьбы, которую вел Ленин в годы первой мировой войны с такими пропагандистами ботостроительства, как Луначарский, Базаров и Богданов. Об этом он «лачно и непримиряно высказал всем грем, — как пишет Ильич, — товарищам» во время своего посещения Капри в апреле 1908 года.

Естественно, будучи на Капри, каждый советский человек с каллиграфическим рваным чувством ищет следы ленинского пребывания. Искать можно по-разному. Читать прошлое по памятным доскам, обелискам, домам, в которых жила дорогая человека, по деревьям, под которыми любил сидеть на скамейках. Но много не-

жать более существенные свидетельства пребывания человека в далеком краю. Они в отпуске его дед, мысли...

И в этой точности зрения Капри оказался мне весьма характерным средоточием многих конфликтов капиталистического мира, на Борбу с иными людьми туземной народ человек, чья имя сегодня знает практически каждый юношину на земле. Залитые черными итальянскими солнцем, темные красавицы силы, упрямо глядящие в зоркие моря, как бы связаны былом и настоящим, как бы при Ильиче и что осталось здесь после него...

В добрый солнечный день остров прекрасно виден почти из любой точки Неаполя, сарматическим тонким названному не-то жарким миллионедина в засаде, криноидаль, больше рассчитывающегося на свою неопределенность, чем на искусство маскировки...

Через двадцать минут буйного бдения болонского шлеффа за katerom на подводных ирыльях вы словно переходите с одной планеты на другую. За спиной остается Неаполь, спичником Современный город, чтобы в нем можно было жить, Неаполь, с которого начинается странная по своей нищете, социальной несправедливости итальянский юг. Уме в Неаполе, словно в краеведческом музее, вы легко найдете все признаки югу порою. Вернее, они находят вас. В виде нищих всех мастей, без счета заположивших широкую и узкую улицы. Только автомобилей, кажется, больше, чем нищих, в Неаполе. Но и нищие и автомобили угнетают приезного одианово. Один — тем, что вы видите, как на ваших глазах совершенно безаказанно погтерается человеческое достоинство. Другое — тем, что круглые сутни вымывают душу автомобильным кругооборотом. Бундалью ларадулюющим городом грохотом и проблемами, сиюмом и сполноуниеним. Юг перед вами предстает еще и в виде убогих, ставших теперь иншоношными ассураурими уличен, пережестотнутых нитями монорого белян на уровне всех этаней.

Капри сразу же оглушает лонечом и рощиюю. Отсутствие автомобилей (если не полные, то почти полные) и нищих, (ведь стоимость билета до Капри равна едва ли не их недельному «зарплати»). Потом в глаза бросаются чеподаны, сотни чеподанов богатых американских туристов, чеподаны, маломощивающие вилитные картинки, предачлененным разом, ланшой.

Вот сидит на берег попиная пара — обоме за шестидесят. Муть меньше только собаче. Велоду за ними сносят двадцать шесть одианово белых, одианово белых и одианово дорожке чеподанов. Такими же белыми, дорожками и бессмысленными чеподанами начатыся на биржовой волне коленчат, надраванные и оттугомяченные криурсы и яхты. Камфое судно, скорее составясь в тишеславни со своими холзавыми, страннсье парадить друг друга необытными размерами и, конечно, стон-

Анатолий
ГОЛУБЕВ,
специальный
корреспондент
«Смена»
Фото автора

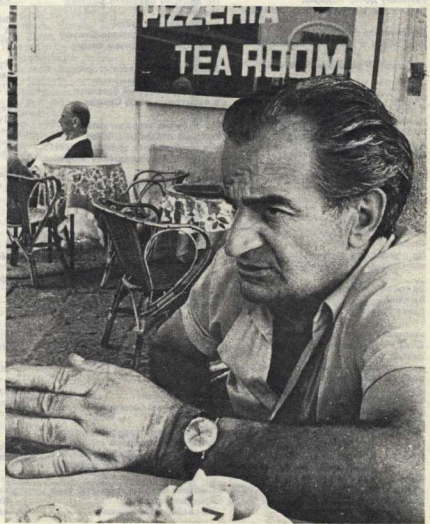
амин не могут говорить... Так принято считать. Но камьяни и не нулеи дар речи. Достоточно того, что они заставляю говорить нашу память. И тогда не найти рассказчика лучше, чем камьяни. Надо только уметь слышать их повествование да хотеть его слушать. И камьяни заставят говорить, не только память, но и сердце.

Это древняя восточная притча. Она полна скарлатной мудрости. Она справедлива и в наш век технизации, в век, когда на помощь памяти и сердцу приходит сложнейшие машины, которые даже не усилили в свое время восточным мудрецам. Но есть события и имена, не нуждающиеся ни в чьей подсказке, ни в чьих напоямианах. Нет необходимости прибегать к помощи вещей машин и кибернетических мыслителей. Такие события просто живут вместе с нами. И вечно будут жить. А если они осынены великим именем Ильича, то буквально каждая минута, каждый немой свидетель былого нам дорог особой любовью...

Судьба профессионального революционера заставляла Владимира Ильича немало скитаться по земле, земле русской и заморской. Но где бы ни был, куда бы ни ехал сам или ни направлялись строки его писем, куда бы ни доходило его печатное слово, Ильич оставал там такой неизгладимый след, который виден отглаголю нам, его потомкам, сегодня, спустя десятки лет. И чем дальше уходит от нас это события, тем ярче явот след, тем сильнее влияние ленинских идей.

Ленин был на Капри дважды. Гостила у Алексее Максимовича Горького, который по состоянию здоровья вынужден был жить там долгие годы. Но нерасторжимые почтовые нити связывали Ильича с Капри на протяжении многих и многих лет. В ленинской почте есть десятки самых различных определений, которыми он щедро одаривал Капри. Иногда это были восторженные оценки природной красоты ласкового, тихого острова. Иногда от иронически восклицал, посмеиваясь над Алексеем Максимовичем, который жаловался, что у него мерзнут руки:

Рубежко Амитрано:
«Ленин осебя был с нами...»

НАЧАЛА ОПТИМИЗМА

С академиком
Виктором Михайловичем ГЛУШКОВЫМ,
вице-президентом
Академии наук
Украинской ССР,
лауреатом Ленинской
и Государственной премий,
директором Института кибернетики,
беседует
специальный корреспондент «Смена»
Лина Тархова.

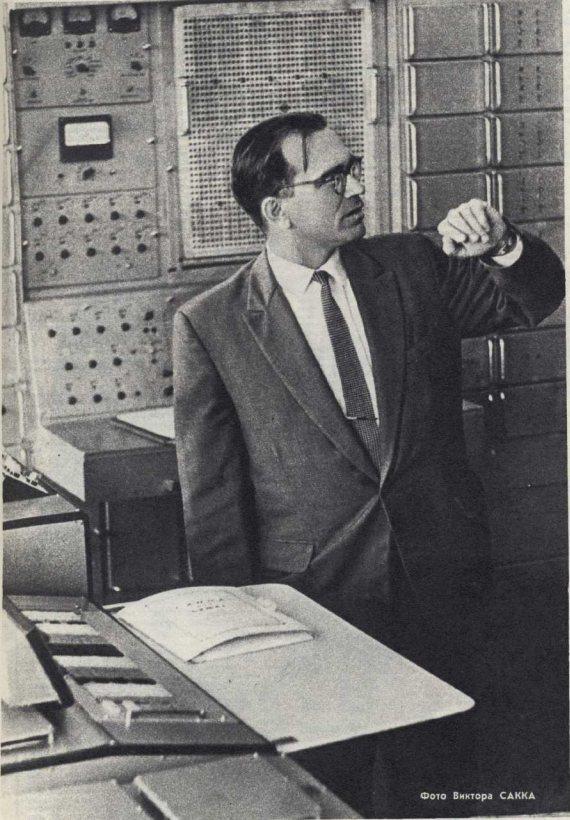

Фото Виктора САКНА

данный экспериментатору. Где его развять? Еще учась в пятом классе в Шахтах, в свободное свободный час проводил на станции юных техников. Строил различные приборы, чем можно было купить. Не было деталей, и мы делали их сами. Это только подталкивало нашу смекалку. Сейчас, по моему наблюдению, число станций юных техников уменьшилось, хотя детей стало больше.

Способный школьник по изобретательности равен академику, разница между ними в зрелости. Но если творческую инициативу не упустить, не отчаиваться, способность к творчеству не уменьшится. Топтание на месте — уже шаг назад.

И в институте — В. М. Глушкова ознакомили Новочеркасский политехнический институт (энергетика) и Ростовский университет (математика...). — у нас были мастерские. Сейчас в стране мало молодых инженеров-электриков, которые пробой не умеют свернуть — мол, этого не проходили. Знакомый моты? Я убежден, что в каждом институте должны быть мастерские и не только в форме там студента делать в свободное время модели, даже электронные микроинструменты. Это сразу дало бы нам массу грамотных инженеров-проектировщиков. А заднюю и решила бы отчасти проблему приборостроения. За эту работу студентам следует платить деньги, что в том плохом?

И теоретиков надо различать в плане разнообразно одаренных ребят. Учитываю, сам извещая способности и творческой деятельности, может индивидуализироваться с учеником. Это скорее бы проводить в государственном масштабе и в новом случае не превращая в кампания. Для талантливых детей, находящихся в местах, где качество школьного преподавания невысоко, я рекомендую бы организовать интенбаты в городах, юности, витеринны, олимпиады, заочные школы.

— ВЫ ПОДЧЕРКНУВАЕТЕ, ЧТО НАДО ИСКАТЬ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ, СОБИРАТЬ ИХ В ИНТИМАТЫ, ЧТО ЖЕ ОСТАЕТСЯ В ПСИХОЛОГИИ ВЫРАЖАТЬ, ЧТО ЖЕ ОСТАЕТСЯ В ПСИХОЛОГИИ ВЫРАЖАТЬ, ЧТО ЖЕ ОСТАЕТСЯ В ПСИХОЛОГИИ ВЫРАЖАТЬ,

— Я не специалист в психологии, выражаю, быть может, наивную веру в человеческие возможности. Но, без сомнения, ни и чему не способных детей нет. Человечество во всем оптимизм в отношении своего интеллекта. Все жалуются на зарплату, но никто не проявляет недовольства своим умом. Но это шутка, а если всерьез, то таланты ведь действительно многообразны. Система, организаторы. Мы утонуем под грузом необходимой хозяйству специалистов-организаторов. Хотя если задуматься, должно быть наоборот. У нас огромное преимущество, например, перед капиталистическими странами — общественная работа, прекрасная школа для организатора. Но мы этот канал до конца не используем. Выберут секретари, пойдут за стол комиссии, комиссия, и все. Считается: до разных мурашек добьет своим умом. Парадокс: человеческой творческой инициативной общественной деятельности иногда отталкивает, хотя она требует именно творческой и больших познаний — в истории, педагогике, психологии.

В общем, должна существовать система, выявляющая самые разнообразные таланты. Между творческими способностями будущего науки, сами занимающиеся «выращиванием» способных ребят и не от хорошей жизни идут на это. Хотя многие делают это преспокойно. С большой симпатией я слышу, например, за опытом в Новосибирске, за работой заочной школы физико-математического Виттор Николайович умчался о МАН — Малой академии наук. «Смена» уже писала, что МАН — это объединение всех детских и юношеских творческих технических организаций Крыма, над которыми МАН задумана как очень серьезный эксперимент, цель которого — выяснить, возможно ли преподавать основы кибернетики в школе. Недавно подавлены первые итоги эксперимента. Доклады в возможность и даже необходимость преподавания кибернетики в школе. Министерство просвещения УССР решило с нынешнего, 1969 года открыть в Крымском педагогическом институте отделение по подготовке учителей кибернетического профиля. Будет в этом институте и кафедра педагогической кибернетики.

— ЭТО ПОВЕДА ПРЕЖДЕ ВСЕГО УЧЕНЫХ-КИБЕРНЕТИКОВ. НЕ ЧЕ ОТ ХОРОШЕЙ ЖИЗНИ?

— Это работа необходима пока нам выходя из положения. Шерштыря над МАН, мы обеспечиваем себе безбедное в смысле надвор обучения. Но

я допускаю мысль, что на мое место придет другой директор — это придется учесть. Малой задумки — «Поблизости помещения для летних занятий — это не так уж и далеко». Если же еще богу знает чем заниматься на наше дело, Науке всего-таки наука. В ней самой проблем предостаточно.

— КАКИЕ ИЗ НИХ ВЫ СЧИТАЕТЕ ГЛАВНОЙ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ?

— Полагаю, сейчас нужно думать, как повысить эффективность науки. Если посмотреть, сколько в нашей науке кадров, картина весьма неутешительная. Огромные затраты на создание новых систем, освоение знаний от неумевших людей, огромные затраты на оборудование, которое сравнительно легко. Но влезть на заводские и научные отделы талантливого молодого кандидата наук в заводские труднее. Там приходится конкурировать заведующим, считают, что кандидат — это не только, а в первую очередь, специалист.

Также почти невозможно закрыть жилищные проблемы И. И. в нашей стране. Это одна из тем, от которых пока отказались. Мы не можем пока этого сделать. Всегда есть люди, цепляющиеся за свое место. Это тоже, конечно, не возможно сделать беспристрастно направляя, ибо там чаще всего нечестивцы. Что в ней? А за каждой, даже никуда не годной темой — люди. Их, мой кудат и жаль тратить на все это время, когда интеллигентная проблема требует разрешения.

— ЧЕМ ВЫ ЗАНЯТЫ СЕЯС?

— Институт занимается новой машиной с сенсорики. Это машина для управления автоматом БЕЗ ПРОГРАММИРОВАНИЯ она может решать 90 процентов задач, которые раньше решали люди.

— НЕКОТОРЫЕ УЧЕНЫЕ СЧИТАЮТ САМЫМ ВАЖНЫМ ДОСТИЖЕНИЕМ XX ВЕКА СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ МАШИНЫ.

— Мне не хотелось бы распространять лавры между людьми. Аналогично тому, что интеллигент, что роль в человеческом обществе действительно грандиозна. ЭВМ позволяет автоматизировать умственный труд. Уже сейчас созданы автоматизированные границы для применения средств автоматизации, умственной деятельности. В будущем, по моему мнению, более того, даже нынешние универсальные электронные машины в принципе пригодны для автоматизации интеллектуальной деятельности человека.

— Самая важная практическая задача для ЭВМ — это учет, планирование и управление экономикой. Эту задачу «электронной Госплана» с министерством. Если ЭВМ сможет справиться с этой задачей в 1980 году планирование, учет и управление можно считать уже взрослое население Советского Союза.

— ВЫ КАК-ТО ГОВОРИЛИ, ЧТО САМАЯ НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ И ДАЖЕ ПАГУБНАЯ БОЛЕЗНЬ УПРАВЛЕНИЯ — ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ. ЭЛЕКТРОННЫЙ ГОСПЛАН... НЕ ФОРМАЛИЗУЕТ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ?

— Вот как вымглядит централизация отношений: всеобщая (а все знают о производстве одному человеку) — это притягательная сила, которая и начальники и повинующиеся ему, лишены самостоятельности. Это не только мешает развитию мирного обучения, а уже пока, насколько машина освобождает учителя для творчества. Оно только не вымглядит отношения между учителем и учеником. То же и во втором случае. Самые большие и самые прекрасные разнообразия — в человеческих личностях, а машина только поможет нам развиваться с заложенным в каждой своей форме.

— ИЗВЕСТНО, ЧТО ОЦЕНКА ВЫЯВЛЕНА ВО МНОГОЕ ЗАВИСИТ ОТ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА. ПОДХОДИТ ЛИ ЭТОМУ О ПРИХОДИТ К ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЕ?

— Мы только задаем научные детали вопросов. И часто эти вопросы решаются преувеличенными усилиями. В общем, страшна неадекватность мысли. Если человек образован, то он способен оценить, насколько объективна и насколько субъективна оценка, и эти оценки меньше всего зависят от индивидуальных особенностей человека. Если же человек образован, то он способен оценить, насколько объективна и насколько субъективна оценка, и эти оценки меньше всего зависят от индивидуальных особенностей человека. Если же человек образован, то он способен оценить, насколько объективна и насколько субъективна оценка, и эти оценки меньше всего зависят от индивидуальных особенностей человека.

— ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ЗАДАЧИ СЕРВАНТА А. А. СТОЛЕТОВА РЕГИОН ЛЕЖАТ ЗАМЕЧАТЬ. КАКИЕ ЕМУ ЦЕЛИ?

— Полагаю, что так. Мужество, смелость. Но без этого качества нет человека, имеющего право на самоуважение.

— И ЧЕГОНО?

— Я думаю, без внутренней твердости, решимости, способности выдержать трудности, учений невозможно, и без умения рисковать.

— БЫЛ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ ПОВОД ДЛЯ РИСКА?

— В свое время мы выступили за универсальную управляющую машину, в то время как боль-

шинство ученых стояло за специализированные машины. Универсальные машины тогда были дико дорогими. Но в то время, когда мы говорили, что могли войти в кондиционированном воздушном пространстве. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ УЧЕНОГО ИДТИ НА КОМПЛИМЕНТЫ «НЕУЮЮ», НЕПРИЗНАНИЕ?

— Не только комплименты, но трагедии науки. Прошла история науки. Но жадная творчеством наука, которая не знает, что такое комплименты, стигнула из диванных человек.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

— Истия, наше воспитание в последнее время не учит нас, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком. Мы не знаем, как быть человеком.

фильм за два дня (есть, разумеется, машина попутая от худобины). Будущим людям останется только ждать, когда появится машина, которая захватывающая перспектива, когда для творчества — это не так уж и далеко.

— А те фантасты, о которых вы говорили, они просто лишены веры в будущее, светлится.

— ВЫ САМИ, ВИНОР ВИНТОР МИХАЙЛОВСКИЙ, ЗАГОВОРИЛИ О НЕКОТОРЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ НАШЕЙ НАУКИ. АВТОБУС ОПОЗДАЛ НА 10 МИНУТ — РЕДАТОР РАССКАЗЫВАЕТ О НЕКОТОРЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ НАШЕЙ НАУКИ. НЕВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ ВЫДАСТ СИСТЕМА АВТОМАТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНЫХ. КАКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ОЖИДАЮТ ВОЗРОЖДЕНИЯ «ВУЛТА МАШИНЫ».

— Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Второе: универсальный принцип «объемная лавна» (образ из рассказа английского писателя У. Дикенса). Смысл его в том, что человек не может превратить данные последних своих действий. Но нам удалось установить, что для нас последние последствия относительно всех последних внедрения машин уменьшаются. Единственное, что за нас удалось установить, что для нас последние последствия относительно всех последних внедрения машин уменьшаются.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

— Но мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится. Мы говорили, что могли построить универсальную управляющую машину, которая при массовом производстве окупится.

СРЕДИ ПРОФЕССИОНАЛОВ

Юрий НАГИБИН

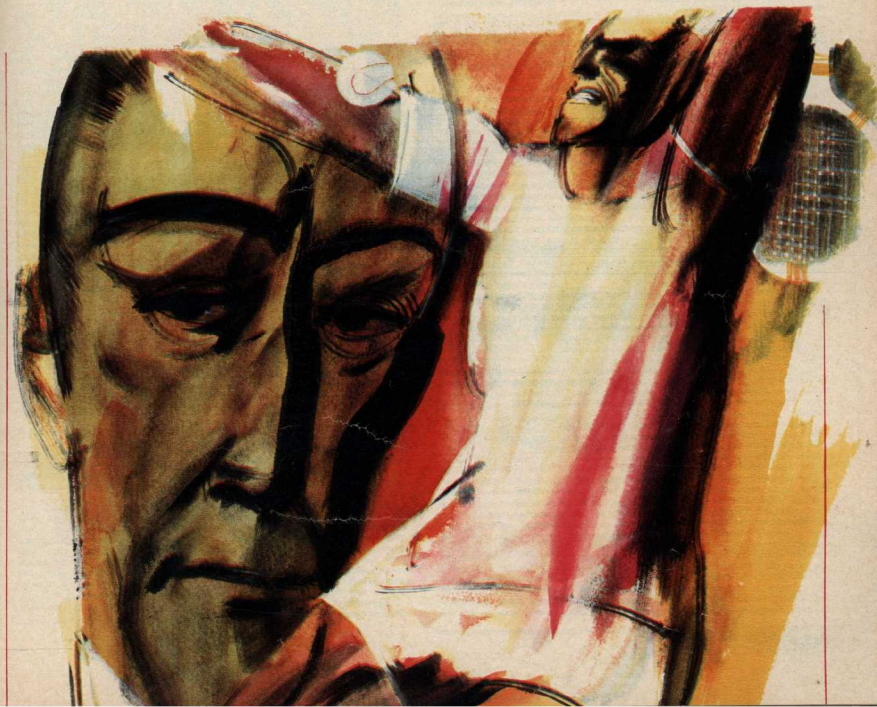
РАССКАЗ

Мальчик, подающий мячи, не торопился кинуть мяч Пабло Моралесу. Эти мальчишки всегда знали, когда игрок торопится, видя в быстром темпе свое преимущество, и когда игрок на исходе, хочет потянуть, пережить Альфине, восстановить хоть малую частичку стремительно убывающих сил. Впрочем, что касается Пабло Моралеса, каждому все было ясно. Летящий Пабло, как прозвали его поклонники более двадцати лет назад, стремительный Пабло, самый быстрый и столь долго живший Пабло мигнул, а вынужденно, сорвав ударом, с седыми висками Пабло уже не хватало на игру. Да, журналисты по-прежнему сравнивали его с пантерой, он и был пантерой по мягкости и взрывной силе движений, по невероятному прыжку, по когтистой цепкости, по постаревшей пантерой. Великолепный прыжок мог оказаться бесцельным, мощным удар — несмертельным. Но главное: он быстро уставал, его прежняя хваленая выносливость обернулась отчаянным умением вытравить из себя все силы, не сникать к концу игры, а производить — особенно на профанов — впечатление такой же моторности, собранности и легкости, как и вначале. В последнем тайме пятисетовой партии он мог так же высоко прыгнуть, так же дотянуться до мертвого мяча, так же стремительно выскользнуть к сетке, но это было имитацией подлинного искусства, ибо после серии великолепных ударов следовала грубейшая ошибка, сводившая на нет все усилия. Зрителям подобные промахи казались случайными, некой фатальной и таинственной неуязвимостью великого игрока; на самом деле то была расплата за пролет, на который он уже не имел права. Впрочем, и сейчас любую партию он начинал безукоризненно, и

если ему удавалось сразу подавить противника, то он выигрывал в трех сетах, реже — в четырех. Но стоило противнику выдержать штурм, затянуть игру, и Пабло был обречен. Пятого сета ему было не играть и у игрока много ниже классом. Сейчас как раз шел пятый, решающий сет финальной встречи Эслинтонского турнира, именуемого «Малым первенством мира». Так называли этот турнир в отличие от Умбладона — «несофидичного мира» и открытого чемпионата Франции, считающегося альфого первенства мира» и открытого чемпионата Франции, считающегося почти все теннисную элиту, но это «плотиз», видимо, и делало его «малым» чемпионатом мира. Он шел после всех главных соревнований года, и в нем не участвовали иные видные любители: не хватало ни пороха, ни досуга, да и среди профессионалов оказывались к этому времени серьезно травмированные.

И вот Пабло Моралес, имея в пятом сете на своей подаче сорок — пятнадцать, как никогда, был близок к самой большой победе за последние годы своей долгой теннисной карьеры. Более двадцати лет назад, выиграв «большой плем» и возглавив мировую десятку, он перешел в профессионалы. У молодого костариканца, приехавшего в Соединенные Штаты искать счастья, не было иных средств к существованию. В ту пору Пальмер еще не собрал своей знаменитой банды, и Моралес разбегался по свету с баскетбольной труппой «Лобб-юнамерс». Хотя теннису у «черных странников Пабло совсем нешло. В отличие от своих коллег, игравших только на публику, Пабло, не чураясь эффектов, играл на выигрши. Он не разучился, а научился побеждать в этом цирке, отбывая из всех приемов, способных

Рисунок Геннадия НОВОНИЛОВА

СОЛНЕЧНЫЕ

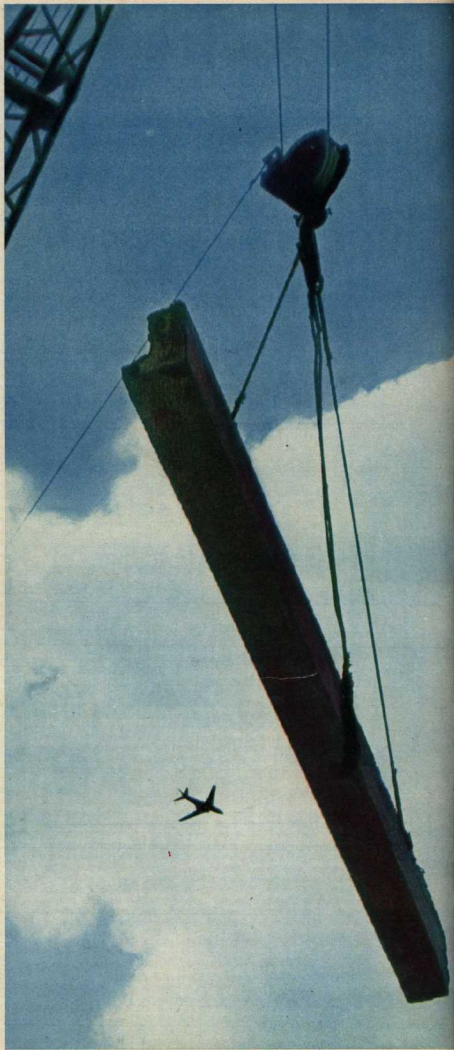
КВАР

С легкой руки московских архитекторов название одной подмосковной деревушки стало нарицательным. Черемушки есть и в Москве, и в Новосибирске, и в Челябинске, и в Рязани. Кто не

радовался, когда видел новые огромные кварталы комфортабельных зданий, из старых коммунальных квартир люди переселялись в новые дома. Однако в скором времени и радости новоселов примешивалась и некоторая горечь. Они ждалась на плохую планировку квартир, неудовлетворительную отделку. Но, пожалуй, гораздо больше, чем совмещенные санузлы, людей огорчал обезличенный, лишенный всякой индивидуальности облик зданий.

О недостатках новых застроек говорят давно. Известно и очень резонное на первый взгляд возражение: при всех своих недостатках они очень экономичны, индивидуальность же требует больших затрат.

Вильнюс избежал участи многих городов. Но это не значит, что вильнюсские строители ничего не строили или строили дурнее, чем их собратья в других местах. Стоимость одного квадратного метра жилой площади в Вильнюсе определена очень жестко — 140 рублей. Литовские архитекторы уложились в эту норму, обеспечив вместе с тем индивидуальность новых застроек. Наряду со старыми достопримечательностями Вильнюса гости показывают новый жилой район — Жирмунай. Однако ярче особенности работы литовских архитекторов проявляются в застройке еще одного нового района — Лоджина.

Юрий РЫЛОВ,
Владимир
ЧЕИШВИЛИ (фото)

Строительная площадка Лоздзиный выглядит пока не очень презентабельно. Вероятно, только опытный глаз специалиста может различить в хаосе огромной стройки логичную и четкую систему. Панельные коробки недостроенных зданий кажутся размещенными случайно, пыль от тяжелых машин клубится по земле, и лишь башенные краны, расставленные, как веки, позволяют сравнить площадку с ее ваятелем.

Главный архитектор Института городского проектирования Эдас Ченаунас рассказывает, что террито-

рия нового района — 188 гектаров, милая площадь — 120 гектаров. Здесь будет жить сорот тысяч человек. Масса разделена на четыре микрорайона. Строятся два, два других — в стадии проектирования. Главный принцип проектирования — использование исключительно своеобразного ландшафта, тем не менее богатства, которые создала природа.

В разработке проекта принимали участие десятки архитекторов. И каждый из них стремился к тому, чтобы на том участке, который ему доверили, проявить свою манеру, свой вкус,

свое мастерство. А это не очень простая штука. Ведь подавляющая часть зданий в Лоздзине будет построена по типовым, стандартным проектам...

Архитектор Анда Лячене работает в Вильнюсском институте городского проектирования всего три года. Чем привлекает ее работа?

— Тем доверием, которое наконец получили архитекторы, — говорит Лячене. — Если такое доверие есть, можно создавать интересные архитектурные ансамбли, отходить от преобладающей заботой о дешевизне жилья.

Лицене знакомит меня с молодым

Новые кварталы Вильнюса — это проекты и макеты, это напряженный ритм стройки, это радостные новоселья.

*Будущие красавцы дома
начинаются с ослепительного
листа архитектора,
материализуются в бетоне на домостроительной
комбинате и завершаются монтажными бригадами.*

архитектором Чеслависом Мазурасом. Он автор проекта новой школы в Лодзиня. Школа расположена на холме, и, используя эту особенность, автор предусмотрел открытые террасы, выход на которые идет из каждого класса. Школьники получат не только светлые, просторные помещения, но и открытый доступ и воздуху, солнцу, площадке для отдыха и игр. Само же здание будет построено только из стандартных элементов.

Архитекторы учли и некоторые недостатки района Жирмунай — в частности, не совсем рациональное размещение торговых точек. Каждый микрорайон Лодзиня будет располагать и своим небольшим торговым центром, где люди не тратят много времени, смогут приобрести самое необходимое.

Естественный вопрос: как же будут обеспечены транспортные связи нового района с центром? Архитекторы ответили на это так. Район пересечет скоростная магистраль — проспект Космонавтов, в будущем он явится своеобразной осью еще трех новых районов, которым предстоит опоясать город. Дорога будет изолирована от жилых массивов лесозащитной стеной. Доступ машин и каждому дому обеспечен, но пешеходам не грозят дорожные происшествия. Специальные пешеходные тротуары, размещаемые с автомобильными дорогами подземными переходами и мостинами, обеспечат пешеходам безопасный доступ в любое место района. Эта архитектурная новинка, о которой люди мечтали давно, частично применена в американском городе Растоне, в Вильнюсе же будет использована в полной мере.

Мы возвращаемся со строительной площадки и снова подходим и манету. Главный архитектор института Чеславис Мазурас объясняет теперь новаторскую идею генплана Лодзиня. Верхнюю террасу района займут шестнадцатиэтажные дома. Ниже, на террасах, будут расположены двенадцати-, девяти- и пятиэтажные здания, соединенные в интересных и своеобразных комбинациях. Все дома панельные, и все с лоджиями.

Своеобразие зданий зависит, конечно, и от их оформления, окраски панелей, отделки. Но эту проблему решают не только архитекторы.

Демонстрационный комбинат выпускает лишь стандартные панели. Но и они могут иметь свою окраску, свою фактуру. Об этом заботится работница комбината. Вы помните слова Анды Лещен о доверии к архитектору? На производственном комбинате пользуются таким доверием.

На демонстрационном комбинате я познакомился с шефром Альдисом Студинисом. Он житель района Лоз-

диней. Я воспользовался его приглашением и еще раз посетил новый район.

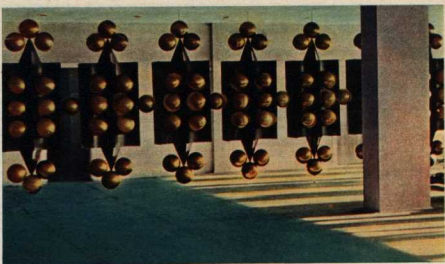
Машина Студинниса — панельевоз. Но работу свою он уже закончил и сел за руль собственного «Запорожца». Снова Лозинский, пятиэтажный панельный дом. Квартира на первом этаже. Две комнаты, небольшая кухня. Альдису 28 лет. Он монат, его супруга учится в медицинском институте.

— Мне очень нравится моя работа, — говорит он. — И знаете почему? Я как-то причастен к тем делам, которые делают архитекторы, и делают, по-моему, неплохо.

Красивая фраза?

Студиннис подкидывает свою мысль: — Высокое качество нашего жилья зависит не только от архитекторов. Какое-то значение имеет еще и наша работа, строителей. Вы видели фильм «Плата за страх»? Там вот, когда я везу панели, я стараюсь выполнить мою работу как можно быстрее. И в это время самым अनुштатным образом. Неудачный толчок — в панели появляется трещина. Может быть, никто не заметит этого, но заметят позже люди, которые будут жить в моем доме. А я знаю, где стоят дома, панели для которых привез я...

Новые районы Вильнюса, примечательные своей оригинальностью, поиском индивидуальных решений застройки, создаются благодаря тесному союзу зодчих и строителей, их мастерству и по-настоящему творческой работе.

Плакировка кварталов, облик фасадов, оформление интерьеров внутри зданий — все для красивой и удобной жизни.

Заканчивая университет, я писал дипломную работу по истории восточных журналистских двенадцатидесятих годов. Днями и вечерами — напролет — в листки пухлые подшивки старинных газет.

Стояли жаркие апрельские дни, настали мясные праздники, солнце струилось в оконные проемы старинной восточной библиотеки, основанной еще молодым Герценом, в тени поблескивали позолоченные фрески уникальных томов...

За день я устал, хотелось выйти на улицу, но работа удержала, я писал, листал — все, что относилось и делу, и тому просматривал, и однажды, проходя мимо книжной витрины, увидел там «Повести о жизни» Паустовского. Почитал, почитал и... сплюснулся.

Вот это место: «Еще за месяц до рейса в Одессу вы с Романовыми послали в Москву службу первостатей писателя в полковника санитарный отряд. Нам хотелось быть ближе к войне...»

У Романова были для этого еще и свои основания. Он рассказывал мне по секрету, что пишет очерки о войне

для радиальной восточной газеты, поезд же дает ему мало материала для очерков.

Он показал мне несколько печатных очерков. Они поразивали меня точностью и простотой языка.

Романин уговаривал меня написать для этой же газеты двести очерков. Я написал только один. Это был мой первый очерк. Он назывался «Синие шивелки» и был напечатан. В нем я писал о том, как был ядт в лес вблизи многоотрасельного гарнизона австрийской крепости Перемышль. Мы видели эти планины в Бресте.

Я прочитал эти строчки раз, другой. Задача найти забытый очерк Паустовского была заманчивой, увлекательной, и в ближайшие начал листать подшивки разных восточных газет издания 1915 года, пытаясь опровергнуть «радиальность» каждой из них.

Эта азарная погоня длилась несколько дней. «Синих шивелки» нигде не было. Исследователь я был малоопытный и простые истины открывал эмпирически. Просматривая подшивки заново, я искал теперь не только названия, но и адрес и подпись.

Наконец, когда надежды иссякли, и

с сильным сердцебиением я увидел искомого. Внизу газетной странички, в «подвале» стоял материал с подписью «К. Паустовский».

Немедли я стал переписывать очерки, и, только заканчивая переписку, меня вдруг осинило очерком назывался по другому — «Письма с войны». И, главное, он вовсе не про то, как был пленен гарнизон австрийской крепости.

Опять я ввалился томики Паустовского с его «Повестю о жизни», читал, сопоставлял и пришел к выводу, что, пожалуй, ошибся. Надо искать снова, искать не что-нибудь иное, а именно «Синие шивелки». Я опять я искал, искал с упорством кролика, пока не пришел к элементарно простой мысли: написать Константиу Георгиевичу.

И вот ответ: «Большое спасибо за то, что Вы разыскали и прислали мне копию моего в е р а о г о очерка, напечатанного в незапятнанные времена в восточной газете. Что касается очерка «Голубые шивелки», то тут меня подводит память. Я, очевидно, забыл отослать его в редакцию или что-либо иное помыслаю и рукописи этого очерка на я днях найду в своем архиве».

Потому Вы его не ищите... Москва, 24 октября 1982 г.»

Очень бы хотел я повторить утверждение самого Константина Георгиевича — п е р в ы й о ч е р к. Но... Паустовский замолчал, видно, историю своей первой журналистской работы. Как выяснилось действительно, первый очерк его был напечатан в 1912 году в Киеве. «Письма с войны» — третий напечатанный Паустовским материал.

Но как бы там ни было, нашелся неизвестный, потерянный самим автором очерк замечательнейшего писателя Константина Георгиевича Паустовского.

Теперь, когда Паустовского нет, когда с горечью охватывало всю военную утрату, каждая строка замечательного мастера прозрачной русской прозы дорога и драгоценна. Очерк, написанный больше полувека изданием восточных томов двадцатипятилетней санитаром, открывает нам еще одну страничку писательской судьбы, судьбы мастера, чьи полотна навсегда войдут в галерею русской литературы.

Альберт ЛИХАНОВ

Константин ПАУСТОВСКИЙ

ОТ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

а дощатой перегородкой весь день плавались и спорили варейки. Сидели в окошке, слушали коротенькие, заковычавшие ащии, выглядо никак не на солдат, случайно забравшихся в их комнату. Когда слишком недовадил, — я ступал шашкой в дверь. Сразу все стихало.

Но прошлоидо полчаса, час, и снова началась возня, шорох, вскриквал ребенок, и сразу, словно проворачиваясь, разрастался крик, исплояла лустые, гунные коматы.

Бовела голова. Сквозь разбитое око медленнопозади в комнату и оседали клубы пыли. Все стало ночью и шорохотывало.

К вечеру заргмонатыли, запылили обозы. Они шли всю ночь. Свеча едва, едва мигала сквозз густо-серый пыльный туман.

Песок хрустел на зубах, от пыли гягучею больно ныли глаза.

— Стой, стой,— начинала где-то далеко вперед, кричали обозы...

Раздавался треск, здание немужали дымилась и ломали фуранкии передним. И тогда же загорелась немостая, злая брань. Обоз остановился.

Трогай Загрмонатыли обоз, но ненадолго. Минут через пять снова остановка.

Стоят долго и терпеливо. Обозные жуют хлеб, курят, некоторые спят. Варховые сидут загорелые, с босмерами узаны, в чем дело. Впереди снова брань и крик.

— Тро-о-огай! Не отставай, задние, не давай проворачиваться. Чья эта повозка? Кридлерейская. Я лечу. Я лечу. Слыш! Правдо держи, дарми правдо!

Идут часами. Железный язык, брань, крик,— все водит острой болью в мозг, и, кажется, каждый стук колес актувалывает кровь сильно и горько ударять в голову.

Идет артиллерия. Снова крики.

— Держи дистанцию.— кричат над самими обозами.

Рисунок Александра МЕНШИНОВА

Евреи все еще стояли без шапок и ждали со-
ветов.
— Поэжайте в Белу,— сказал я утомленно и
пошел обратно, к себе.
Они оба шли сюда и говорили, что в Белу не
пускают, уж они ездили, и их вернули обратно.

Я вошел в комнату, запер дверь на расшата-
нный крючок и лег. С постели поднялась облака
пыли. Хотелось уснуть, но не было сна. И мысли
попали все тугаче, гнетуще.

Уйти бы отсюда,— подумал я. И вновь захлест-
нула меня неудержимая тоска по большим горо-
дам, трамам, электрическим огням; зелено-
ному, невспотанному, необожраженному по-
лю, вокалам, по вечернему, пенистому морю, по
давлениям, поникнутым людям, по всему, что так
дорого стало теперь, что не знает этой страшной
в своей жестокости и сумрачности войны.

Где-то за далью глухо перекатывались одино-
чные выстрелы, словно кто-то катал белье. Захо-
дили во фланги. Надо было ехать, но трудно бы-
ло заставить себя подняться, выжить, сесть на ло-
шадь. Подождо же.

В полночь прошли обозы полковые, первого
разряда, легкие, на двухкошках.

Снова скакали верховые с фонарями, усев

Они подозрительно всматривались в меня,— не
немецкий ли кавалерист?

В полях было безжизненно и смутно.
Дымилась близкие пожары бедными молни-
ями над горизонтом равнины, шарами. Раската-
лись выстрелы; слыш, где было тепло и тихо,
вдруг жестоко разрыв и вырбосо стоб огни.
Сразу жутко, «они» заходят с флажков. Мы в
мешке.

Далеко с шоссе несся немалый грохот, да-
лений крик. Было заметно, что там началось сме-
нение, может быть, паника. Я повернул голову и
поскакал к шоссе. И тотчас же сзади что-то оглу-
шительно лопнуло, таяло ужула земля. Я огля-
нулся. Над местечком засветилось, поползли язы-
ки огня. Начался обстрел.

На шоссе творилось что-то неообразимое.
Обозы сбивлись около вьезда на поперечное шос-
се, по которому в три ряда скакала артиллерия и
другие обозы. При мильежном перерыве те, ко-
торые ждали, невзякая друг на друга, полам фу-
ры и нектово ругасы, бросались в проам.

— Стой, с...ны дети,— кричали с другого шос-
се, вдали, в тумане, и слышался вырвешива-
ние в каньемы по сторонам дороги.

И над всем этим хаосом криков и брани, ис-
пуганных лошадей, сгрудившихся фурамко, обу-
зкумших верховых медленно и зловеще загаре-
лась и потухла на небе ракета. Потом другая. От-
куда! Паника и тревога усилились.

От горешных вблизи деревьев несло теплым и
едким запахом дыма.

дом с террасой, с мезонином. Вился дикий вино-
град. Кое-где осень уже бросила по листьям я-
рко, пурпурные краски. Глухо скрипели двери, в
пустынных комнатах непривычно звенели шаги.
Бились в пыльные стекла разбуженные мухи. На
полу, на столах было разбросано много книг. Я
поднял некоторые. Все божественные—жития
святых, часослов, катехизис. На стене висела опе-
раграфия—подпись генералиссимуса Суворова.
Хотелось спать. Снеدل и вливался в окна хо-
лодный августовский рассвет, словно белый тум-
ан, легли синеватые дымки над садом, над по-
лями.

Стояли в саду цветы, частый бурьян, каке-
то лиловые ветки. Далеким грохотом слышалось
шоссе, медленно, словно утомаясь, где-то с ле-
ском била наша артиллерия.

В одной из комнат на полу, завернувшись в ш-
мель, лежал офицер. Когда я вошел, он подполз.
Я узнал его. Это был мой давнишний товарищ по
работе в санитарных поездах, наш сотружник А.
Гоманин. Его летучка уже отступила, он отстал и
теперь дотоял ед, выравнялся, какем-то чудом
на Словатчней, где шел сейчас упорный и ожес-
тотенный бой.

Я авал коня в соседнюю комнату, запер на
крючки двери и лег на полу, на шинели рядом с
Р. Долго мы разговаривали, не могли уснуть.

Я забьлся не то дремать, но то баланвано-
чутким сном. Снился мне шум моря, и почему-то
этот шум казался мне голубым, пронизанным
светом. Я чувствовал, словно ветер обдувал мне
лицо, теплый, бодрящий ветер. Потом все смея-
лось.

Проснулся я поздно. Дребезжал тонко и жа-
лобно стекла, вздрагивал пол. Где-то совсем
близко удар за ударом полыхали выстрелы. Р-ни
сидел на окне и дикими-то чудом всплещен-
ный кирпичный чай с замечательным, по его
словам, сгущенными сливками. Приспособлен-
ность у него была удивительная.

Я ляжал, согрелся, мне не хотелось вставать.
Утро было серое и пасмурное.
За окном настежали вьющей ливстой деревья
и шуршали о стекла. На душе было мутно и тоск-
ливо.

Снова нечлнялся день, бесцветный и страшный
в своей простоте, день, который, чудилось, бу-
дет отмечен и тяжелой печатю ляжет мне на
душу.

8 сент. 1915 г.
(Газета «Вятская речь», 25 сентября 1915 г.)
Публикация А. ЛИХАНОВА

С войны

всю улицу светящимися, огненными точками. Значит,
до места боя оставалось верст десять.

Заглянул в окно. Дымным багровым заревом
запало весь горизонт. У грани розовоючих, бес-
конечных полей, словно из жерла вулкана, выр-
вался густыми клубами черный, тяжелый дым.
Все резко и резко где-то полыхали орудийные
выстрелы.

Я снова вышел. У дверей стоял казак и жадно
тянул из жестяной кружки воду.

— Где бой?

— Тут же, за селом наши окопы заняли. А
сегодня верст за восемь. Слышать, к чему здесь
немедь бует.

Он вытер нетерпливо усы, влез на лошадеку
и запылил в сторону пожаров.

Я осадил коня. Он фыркнул, стриг ушами и
тихо ржал. Близкие выстрелы и тревога ночи,
очевидно, пугали его.
Когда я пулся по кривым улочкам местечка,
стараясь выехать на знакомую мне заброшенную
дорогу, я заметил в темноте несколько фурам-
нок. Это собирались бежать запоздавшие жити-
ли—евреи. Шел тихий говор. Вытаскивали вещи.
Где-то хныкал ребенок.

— Ша, ша! Гена вкел Фердатеи.

Разредело глаза. Одиноко чернели на перелю-
тых кресты на фоне мутно-рдяного неба.

По сторонам шоссе стояли согнанные фуры бе-
жевые. Некоторые лежали изломанные на боку,
и вокруг них валялись разбросанные, неурные
вещи—всякий хлам—перины, стулья, детские
люльки, швейные машины. Лежали у дороги па-
лые лошади, безобразно вздымаясь раздутыми
животами. Жалобно мычали брошенные коровы.
Я свернул с поля. Ездл долго, долго зарос-
шим проселком. По обычным дорогам плелись
пыльные, изможденные солдаты с коричневыми
лицами. Шаг у них был мornyй, тяжелый, словно
несли они на себе непосильный груз.

Шли они вперед не останавливаясь, не разгова-
ривая, и было видно, что позади себя они остави-
ли много верст, и много верст осталось еще впе-
реди.

— Куда идете?

— Далеко. Отсюда не видно.

И больше ни слова. Снова молчание, грузный
шаг, кое-где огоньки папирос. Поблескивал ду-
ла винтовок. Винтовки каке-то маленькая, аме-
риканские винчестеры.

Въехал в пустынную, загрязненную деревню.
Прошел в бьлые каменные ворота, попал в сум-
рачный, запущенный сад. В глубине сада стоял

Софи Лорен. Ее героиня Джованна — женщина трагической судьбы.

Марчелло Мاستроини в роли Антонио, человека, нашедшего свою отцовскую родину в Советском Союзе.

— Нет, нет! Повторите эпизод! — предлагает Витторио Де Сика, известный итальянский режиссер.

ПРАВО НА ЛЮБОВЬ

Галина ДОЛМАТОВСКАЯ Мирослав МУРАЗОВ [фото]

Еще недавно она была Наташей Ростовой. Теперь Людмила Савельева исполняет роль русской женщины Машы.

Антонио и Маша. Они еще не знают, что в их жизни придут новые испытания...

Его лицо знакомо нам по многим фильмам — значительным, как Генерал Делла Ровера, и не очень значительным, как, скажем, «Хлеб, любовь и фантазия», но все-таки запомнившимся — у Витторио Де Сика незаурядная внешность.

Его имя стало известно нам еще раньше. Мы узнавали беды и радости неврядков, исторической Италии по его «Шушу», «Позитивный волоселедов», «Умберто Д» задолго до того, как услышали термин «неореализм».

Его жизнь и творчество описаны многими исследователями во многих странах мира. Во Франции ниноа о Де Сика вышла в серии «Классики кино». Он, безусловно, классик — близкий, понятный благодаря своим лучшим фильмам.

На съемочной площадке Витторио Де Сика такой же, каким мы привыкли видеть его на обложках книг. Из кармана светлого костюма щегольски выглядывает белый платок. Он без улыбки, несмотря на то, что и 11 часам летнее украинское солнце даст себя почувствовать.

Ветер гонит волнами серый ковыль, поднимает черную пыль — земля здесь жирная, щедрая. На Полтавщине, возле Динянки. Джузеппе Де Санти снимал эпизоды своей картины «Он шил на Востоке». Здесь же работает группа Де Сика.

Машина с операторами пронесится на огромной скорости мимо поля подсолнухов. Потом в фильме это мелькание исплосчерны шлока будет как бы из окна поезда.

Витторио Де Сика ставит свой двадцать первый фильм — «Подсолнухи». В этой истории занято очень немного людей.

Героиня — женщина, за судьбой которой мы будем следить в течение более чем десяти лет.

Сначала это совсем юная Дивонья, завладевшая порками чувством, плотнившим ее всю. Она забывает, что за окнами квартиры война. Ее счастье с Антонио исчисляется днями, а потом, он уходит на Восточный фронт, в ей остается воспоминание об этих днях вдвоем — в комнате с белеными стенами, в поезде, где Антонио невольно протянет ей корбочку со свадебным подарком — простыми и наивными перьями между смежками, и Софи Лорен может отдохнуть — вот так, посреди тротуара.

ными серками, — а мимо они поедут будут мелькать поля пасовших. Дивована напрасно будет простиаться потом на пыльном вонзаля: погубил многие, многие веры: после возмездия выжил Алтино нет никаких вестей.

Продолг дотя. Дивована, похулающая, ставшая ступица стирона за теги своего одиночества (нет уже тех бурых чудов, рыбок, перемелка, сполонная, в волосах проглядывает свет), отправляется в Россию — искать своего мука.

Она исходит надобна итальянских детей и не найдет на березовом выросте его ивены.

Эта сцена снималась томе в 40 километрах от Полтавы. Режиссеры нанянули расставили полторы тысячи бранных крестьян, в том числе, в основном, женщина. Жара ударила резко, спала, дым был серый, пыльный, желтый. София Лорен и Гуннар Ялинин, занятые в эпизодах, появились в этот июльский день. Но Де Сина и главный оператор фильма Диеупелле Ротундо были очень довольны.

Вы посмотрите, как рисуются эти белые кристы на сером небу! Непрерывный свет метры. Горе и ожидание на лице Дивованы — Лорен... Надо получился настроением — слышится Ротундо.

И Дивована осталась только фотографией Антонио (Марчелло Мандрони) и эти два дня она сервировала его свадебный подарок. Она будет поздравлять фотографией многих незваных людей. Будет надеяться, что Лорен рабочая, выходящая из ворот большого городского здания, по огорченном стадионе, в метро. И найдет. Нет, пока не его... женщина, которая теперь лицом с ним — она дочь, дом Антонио.

Это одна из наиболее драматичных сцен фильма.

Кинодиректор спрашивает о чем-то девочку возле маленького домина в Коломенском, девочка отвечает ей по-итальянски. Дивована слышит — пошла, и женщина, развешивающая белье во дворе, тоже отвечает по-итальянски, увидев напряженное лицо незванки.

Мама (дочь Людия Савельева) приглашает Дивована к себе, женщины думают сейчас об Антонио, но — еще еще нет, еще не зашла, еще еще она, замерзшая в снегах, прислала в нашу почту бесценном виде, выходящий в кино. Он полюбил. У них дочь Катя.

Дивована тоже имеет право на любовь. Десять лет ожидания и веры, но нет никого.

В сцене очень мало слов. Русская женщина, с таким малым, открытым лицом — простит, простит, простит, простит — глаза Дивованы — София Лорен. Она тоже слышит, она тоже слышит, но не может разрушить это ожидание, она знает, услышав только взглянула на Антонио, возвращающегося с работы.

Дивована приедет в Италию, и в театре Диеупелле раздается телефонный звон. Нет, вы незачем его видеть, говорит она. Дивована мечтает по маэстре, делая массу книг — бесповоротных и немужских дня, в потом идет спать, слыша вечную в шкафчике в ванной коробочку с серками, тем, что мы видели на ней в Москве, в Динамике, в поездке в день свадьбы.

Снова сцена в поезде, но воспоминания несколько отличаются от той сцены в начале фильма. Дивована — «Время всегда меняет слова и образы».

В кинофильме писатель, киноактер, а также автор сценария Чезаре Даттатини, Тонино Гуэрра и Георгий Маршани.

«Нечем встречаться», — говорит Дивована и ждет, ждет — она закончик сна.

Он увидится. Он будет долго обнимать — что-то про снег — километр снега, про женщину, спящую его, про дол... Загорел свет, сонный на время заставили, и Дивована вскакивает с кровати.

«Господи, до чего мне ты постарел! Он обнимает ее, и это перенесит их на много лет вперед».

«Война изменила судьбу моих героев», — говорит Дивована. Дети сна, — они расстанутся, они не могут быть счастливыми. Трагическая история любви в кинофильме — кинофильме прозвучать как мой протест против войны».

«Послушную» называется фильм. Подслушная — это символ сна, потому что спать в кинофильме не приходится в России, натурная сцена будет происходить в Италии, в день войны».

«По...»

«Если, конечно, выглядит неинтересно — ублажает Де Сина».

Русский перевод «Новой книги о суржестве» профессора Рудольфа Нойберга стал библиографической редкостью на следующий день после выхода в свет. Книжки прочли миллионы советских читателей. Был жмет, не всем известно, что профессор Нойберг живет не только по основам гармонии брата. На его родине, в ГДР, любовь жива «жизнь и здоровье», «Маленькая работа» (Площадь сердца). Профессор Нойберг много раз выступил на семинарах в вопросах здоровья, укрепления семьи и воспитания детей.

Мы пополнили в Дрездене и отдали профессору Нойбергу несколько вопросов, которые как всегда встречаются в нашей редакционной почте. Сегодня мы знакомим с его ответами наших читателей.

Важно с профессором Нойбертом в этом номере разговор об основах семейного счастья едет Аркадий ВАКСБЕРГ.

ПЬЕ ВЕГГОРБОВ РОБЕРТЭ ПУ Г. НОЙБЕРГУ

ВОПРОС. Существенно ли изменились сегодня взгляды людей на нравля, регулирующие личную жизнь человека?

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Аркадий ВАКСБЕРГ

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

ОТВЕТ. Взгляды на обычай и нормы, регулирующие отношения людей между собой, всегда менялись, а в наше время меняются особенно сильно. Когда какое-либо человеческое сообщество переходит к новому общественному строю, то меняются не только законы и условия труда, но и отношения между людьми.

«Сина» — на своем личном опыте. А это значит — на своей личной беде.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

Иногда кажется, что нравственность пошла на убыль. Но это не так. Просто люди стали больше читать. Книжки помогают нам разобраться в себе. Книжки помогают нам понять, что такое нравственность. Книжки помогают нам понять, что такое любовь. Книжки помогают нам понять, что такое счастье.

ВОПРОС. Ученые утверждают, что духовное созревание юных людей происходит за физическим. Это «подорож» XX века? Или же можно, и не так поздно, как взрослые: как к ней относится — не замечать, жить? Что тут можно предпринять? И приведет ли будущее разрешение этой проблемы?

ОТВЕТ. Форма чиста вашего вопроса не совсем точно сформулирована. Конечно, физически наша молодежь созревает скорее. В ГДР это так называемое «ускорение» составляет полтора-два года.

Но духовное созревание приобрело совершенный другой оттенок. Современная молодежь понимает и разбирается во многих вещах лучше, чем молодежь 50 лет тому назад.

Выражаться точнее, нашей молодежи приходится в общедомовом и целом больше учиться, чем было в XIX веке, и процесс обучения заканчивается не в 18 лет, как раньше, а минимум в 20 лет позднее.

Сей возраст, обывковенно мало мыслящий, не рассуждающий, чем благодатнейшая пора, когда можно привить любовь к пространной Онеке, в котором юность без нормальных образцов плавать, дабы новые увидеть предметы, и наслаждение потопляться.

«Четверть юности судил за чиничный, эулидисский поступок: они обидели друзей, усладили не чист. Как старик, не был ни распутины, ни бандиты. Пришло время, и юность предстала в уродливом, чудовищном искажении и чудовищном применении. Она дана, не умели по-человечески разговаривать с девушкой.

Для мало-мальски культурного человека все перипетии любви с ее радостями и огорчениями, надоедливой отеченностью мейда, иде душено грубого, эстетически слепого и глухого эса это не интересует, ему нужен результат. Но культура чужда не падает с нибя. Он становится, это не имеет, если хотеть, подогреть и семейной жизни, потому что юность — это прежде эсе культура отношений между людьми, способность к другому, так сказать, умение слышать в душе не только себя.

Тут умение рассказать об успешном опыте интимных социалистических отношений, и пытаются превратить размышления в какие-то вполне конкретные действия.

В ряде стран существует такой порядок. Преподнести девушке приглашение к свиданию, и их приглашает на беседу специальная комиссия. Собственно, комиссия не имеет никаких властных полномочий. При необходимости и ним подполняют юрист, педагог, врач, психолог и психолог. При необходимости находят общий язык с молодежью, и они с интересом слушают. При необходимости стараются не включать в эти комиссии людей старше пятидесяти лет.

Важно все это, и стараниями не смущают на очередное фортепианное воспроизведение, и стараниями не смущают на очередной гостиней, за чашечкой кофе идет доверительная беседа. Никого не просят ни о чем, просто молодежь узнают много того, чего не знают, но что обязательно должны знать, если желают быть добры и серьезно относиться к предстоящим свиданиям. Иначе говоря, они говорят за плотно закрытыми дверями; о физиологии любви, и о психологии любви, о сексуальности, и о психологии сексуальности, и о семейной бюджетности. Обычно жених и невестка в сексуальности не имеют, и случается и так, что их приглашают вдвоем.

Никто не подсказывает и вряд ли подсказывает, как следует вести себя в подобной ситуации. Никто не подсказывает, как следует вести себя в подобной ситуации. Никто не подсказывает, как следует вести себя в подобной ситуации. Никто не подсказывает, как следует вести себя в подобной ситуации.

Я написал на эту тему исследование, которое готовит к изданию.

ВОПРОС. Мы говорим о необходимости развития эсе человеческой личности и о необходимости требовать, чтобы некоторые свои порывы человек должен укрощать. Нет ли здесь непоследовательности? И кто может быть судьей, определяющим, какие порывы человеку следует подавлять и какие следовать?

ОТВЕТ. Человеческая личность может полностью раскрыться только в обществе. Но мы можем существовать только в таком обществе, которое не подавляет, а развивает и выражает, порывы отдельных личностей. Инстинктивные порывы необходимо подавлять. Не можем же мы, серия, в кого-нибудь, ударить этого человека, и грубо так выразиться, сорвать с кого-нибудь какую-либо принадлежность туалета только потому, что она нам нравится.

ВОПРОС. Изменяло ли наше бурное время сущность любви?

мин бы в порядке эксперимента создать подобную при каком-нибудь Дворце бракосочетаний. Наверное, о вещах не столь современных могла бы идти речь. Но и тут не все так просто. Когда уже начинаешь, его можно изобрести, и тогда, когда уже начинаешь, его можно изобрести, и тогда, когда уже начинаешь, его можно изобрести.

Между прочим, социологи не так уж балуются интимным молосудом. Сейчас, когда любовь практически рецензируют, доподлинно не известно, с какими результатами исследования и поютися на проверенных и не проверенных, и с какими результатами исследования, насколько «не доходит» у социологов руки до многих и многих проблем семьи.

Важно все это, и стараниями не смущают на очередное фортепианное воспроизведение, и стараниями не смущают на очередной гостиней, за чашечкой кофе идет доверительная беседа. Никого не просят ни о чем, просто молодежь узнают много того, чего не знают, но что обязательно должны знать, если желают быть добры и серьезно относиться к предстоящим свиданиям.

Важно все это, и стараниями не смущают на очередное фортепианное воспроизведение, и стараниями не смущают на очередной гостиней, за чашечкой кофе идет доверительная беседа. Никого не просят ни о чем, просто молодежь узнают много того, чего не знают, но что обязательно должны знать, если желают быть добры и серьезно относиться к предстоящим свиданиям.

Важно все это, и стараниями не смущают на очередное фортепианное воспроизведение, и стараниями не смущают на очередной гостиней, за чашечкой кофе идет доверительная беседа. Никого не просят ни о чем, просто молодежь узнают много того, чего не знают, но что обязательно должны знать, если желают быть добры и серьезно относиться к предстоящим свиданиям.

Важно все это, и стараниями не смущают на очередное фортепианное воспроизведение, и стараниями не смущают на очередной гостиней, за чашечкой кофе идет доверительная беседа. Никого не просят ни о чем, просто молодежь узнают много того, чего не знают, но что обязательно должны знать, если желают быть добры и серьезно относиться к предстоящим свиданиям.

Важно все это, и стараниями не смущают на очередное фортепианное воспроизведение, и стараниями не смущают на очередной гостиней, за чашечкой кофе идет доверительная беседа. Никого не просят ни о чем, просто молодежь узнают много того, чего не знают, но что обязательно должны знать, если желают быть добры и серьезно относиться к предстоящим свиданиям.

ОТВЕТ. Не атомный век изменил сущность любви, а изменившаяся общественная структура. При феодализме господином был мужчина, а жена или несколько жен подчинялись ему. Мы считаем, что женщина и женщина равноправны. Таким образом, должно было измениться выражение человеком того, что мы называем любовью. Отношением не изменилось только половой инстинкт.

ВОПРОС. Некоторые противники эмансипации женщин приравнивали в свое время к поддержке своей позиции такое соображение: «Мы считаем, что женщина и женщина равноправны. Таким образом, должно было измениться выражение человеком того, что мы называем любовью. Отношением не изменилось только половой инстинкт.»

ОТВЕТ. Мужчина и женщина не одинаковы ни с точки зрения интеллекта, ни в том, что можно только, чтобы один пол не угнетал, но эксплуатировал, не господствовал над другим. Я считаю, что чем меньше люди угнетают друг друга, тем прекраснее отношения, которые мы называем любовью.

вспрос собой, общественно темона немолодая, а именно речь о другом. О том обилие культурного человека — муна его возмездия, — который встает со страниц его изобретения, его писания, его искусства, его таланта, который встает со страниц его изобретения, его писания, его таланта, который встает со страниц его изобретения, его писания, его таланта.

Важно все это, и стараниями не смущают на очередное фортепианное воспроизведение, и стараниями не смущают на очередной гостиней, за чашечкой кофе идет доверительная беседа. Никого не просят ни о чем, просто молодежь узнают много того, чего не знают, но что обязательно должны знать, если желают быть добры и серьезно относиться к предстоящим свиданиям.

Важно все это, и стараниями не смущают на очередное фортепианное воспроизведение, и стараниями не смущают на очередной гостиней, за чашечкой кофе идет доверительная беседа. Никого не просят ни о чем, просто молодежь узнают много того, чего не знают, но что обязательно должны знать, если желают быть добры и серьезно относиться к предстоящим свиданиям.

Важно все это, и стараниями не смущают на очередное фортепианное воспроизведение, и стараниями не смущают на очередной гостиней, за чашечкой кофе идет доверительная беседа. Никого не просят ни о чем, просто молодежь узнают много того, чего не знают, но что обязательно должны знать, если желают быть добры и серьезно относиться к предстоящим свиданиям.

... него лет промчал в Киев, и с олимпийским чемпионом по парусу Валентином Маннинем, точнее ивевлянином, нашлись у меня общие знакомые.

— Ну, что тебе сказать о Валентине? — задался он. — Свой флюкс, тоже с Подолом, как мы с тобой.

О, это означало чуть ли не мировое достижение! Подол — не просто самая старая и, что греха таить, самая запущенная часть Киева. Это, так сказать, город в городе, и если встретишься где-то на земле два ивевлянина и один говорит другому «й с Подолом», — то это значит, что он тем самым утверждает свой принадлежать к ивевлянинам. Здесь специфичная жизнь и свои нравы.

И ничего удивительного в том, что Маннин — с Подолом. Ведь мы, подольцы, при самой воде для нас Днепр — самая главная, самая интересная, самая оживленная улица.

Все это летом, конечно. Сейчас, поздней осенью, речная гладь синцова и чиста. Студа на приноле, широкое дельта пусты... Уме и ледон плывет, сплавляется с севером.

— А вот он, Маннин, — сказал вдруг знакомый. — Видишь?

Чуть заметное блеснуло среди синцовой глади белая искра. Присмотрелся: парус. Одинокий парус, в тумане моря. Здесь, среди городского пейзажа, в окружении завожбов, труб он выглядел не столь романтично, но еще загадочнее.

— Отчего непременно Маннин?

— Кто ж еще сезон ведь закончился. Черт побери! Своеобразная все же публика живет на нашем Подоле.

— Следы многих вопросов, которые и задал олимпийскому чемпиону, был в танце:

— Нам бы вы определили главную черту своего характера?

— Не знаю, — сказал Валентин, — не думаю. Терпеть не могу видеть перед собой чужую спину. — Может быть, это?

Ну, без танго качества попросту не бывает спортсмена. Но, возможно, Маннин имел в виду не только гоночку, когда чужая спина впереди действительно нестает... Возможно, он говорил о всей своей счастливой, в общем, спортивной судьбе.

Десять лет назад, еще юнцом, он стал первым в Киеве мастером спорта по парусу. Затем — первым в республике чемпионом страны. Затем три года подряд на шестрботном выходе победителем Валентинской парусной регаты, — и это был первый такой успех уже не в городе, не в республике, а в целой стране. А в 1965 году ему, первому среди ивевлян страны, было присвоено звание мастера спорта международного класса. Первым советским парусником, удостоившим серебряной медали на чемпионате мира. Был олимпийцем Валентин Маннин. И последний итот, золотая медаль XIX Олимпийских игр в Мехико.

— Это не первая наша медаль, — сказала Валентин. — Пинегину в Шутновым в Раде досталась такая же. Вот та была медаль. Действительно, первая. Почти так сказать.

— Хорош почин. — Из Тонно наши парусники опять вернулись с пустыми руками.

— Пинегин в третьей гонке сломал мачту. А с новой мачтой дхта не пошла, и был тогда на берегу, запасы. Напереживался. И все же Пинегин был пятым — почетное место. Помните, на XV Олимпийских играх в Жемсиски наши заняли чуть ли не все последние места, да и в Мельбурне тоже.

— Пинегин с Шутновым действительно отрывом счет олимпийским медалям. Но у них другой класс яхт — «Звездный». Там все-таки ру-

Фото Льва БОРОДУЛИНА и Виктора САМКА

ГОШКА СЛОЖНА, НАК ЖИЗНЬ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ДЕТЕКТИВ С УЛЬБЫШКОЙ

В роли милиционера Сереежи — артист Валерий Золотухин.

Эпизод из фильма «Холкин тайна».

Работники милиции не могут поспевать за неминуемо и себе со стороны кинематографов. За последние годы о милиции снято немало фильмов, и каждый добавляет что-то новое — представление о ней в работе милиционера. Герой фильма «Холкин тайна» — удивительно упорный и смелый Сереежин — распутывает довольно замысловатое дело о краже ювелирного магазина. Есть погоня, есть преступники, но вместе с тем в narrative находят место и юмор и хорошая народная песня.

Я встретился с режиссерами из создателей этой кинокартины и попросил их рассказать о своей работе. Первые вопросы — режиссеру постановщику В. А. Назарову:

— Владимир Александрович, что привлекло вас в сценарии, что показалось наиболее близким?
— В сценарии Бориса Можаева показаны не околониционные явления, а сам народ его кино. В нем нет инюгероев, но есть иные люди. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что сценарий рассказывал о Сибирь. Я там родился и вырос. Знаете, когда среди чужого разговора вдруг прозвучат ваши имя, или если влюбленный услышит имя любимой, или что-то дрогнет, напряжётся. При словах «Сибирь, Ангар, Байкал» это происходит со мной.

— Владимир Александрович, где происходили натурные съемки?
— Мы выезжали в Красноярский край, работали в деревнях Бизульин Лог и Усть-Маня. Лесовалка расположена на реке Маня. Сдружиться с местными жителями, познакомиться с «местными выи», несуетливый быт. Люди верят друг другу. Каждый отряп для другого. Поэтому в наших фильмах драма в магазине — происшествие чрезвычайное. Неудачно Сереежин говорит по этому поводу: «Как теперь людям в глаза смотрять? Они же теперь замечают! Им палать манчут. Тыфу, срамота!» Дверные осороблен».

Роль Сереежина в фильме «Холкин тайна» играет актер Театра на Таганке Валерий Золотухин.

— Валерий, как вы осваивали профессию милиционером?
— Мне удалось научиться ездить на лошади, водить мотоцикл, управлять моторной лодкой. Давно было пришлось заниматься. А однажды случилось там, что давалось быть милиционером взырвану. Умывалось после съемки на речке. Врург Бейнт Ланса

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

КТО БЫЛ СООВТОРОМ «КОЛУМБОВА ЯЙЦА»?

Кто придумал задачу с «Колумбовым яйцом»? Казалось бы ответ заключен уже в самом вопросе. Широко распространены на легенды о том, что когда Христофор Колумб вернулся из своего знаменитого путешествия с сообщением об открытии «нового пути в Индию», он изумился и недоброжелателями — а в беспечности генеруция при испанском дворе их было немало — всечасно принимали его пошляк: «Подумайте, отпрыск! Мы бы поехали, и мы бы открыли!» И тогда великий мореплаватель остроумнейшим способом поперсал всех своих слушателей. «Хорошо», — сказал он, — допустить, что если бы вы только поплыли, то что-нибудь, может быть, и открыли бы. Но вот вам более простая задача: поставьте яйцо стоящим на гладкой поверхности. А когда они, словно ни старались, не смогли выполнить это. Колумб им сказал: «Ну, это же хорошо известно. Он сумеет поставить яйцо, и с тех пор по отношению к ситуативной задаче, решение которой оказывается простым и легким (правда, уже после того, как его расколют), применяют выражение «Колумбово яйцо».

Существует, однако, и другая легенда, которая связывает рассказанную историческую анекдот с событиями, имевшими место более чем за 70 лет до первого плавания Колумба и открытия Америки. Гордость Флоренция был и оставался грандиозный собор Санта-Мария дель Фьоре. Строительство его началось еще в конце XIII века. Автор проекта был крупнейший архитектор той эпохи Арнольфо ди Камбио.

Он не успел закончить собор. В частности, ни он не воплотил мечту над алтарем фасада. Но и возведение громадного купола на сравнительно тонком основании было слишком сложной задачей. Проект Арнольфо ди Камбио доступным в те годы средствами не мог быть осуществлен. Собор по-прежнему оставался без купола.

Наконец представители собора объявили конкурс на лучший проект возведения купола. И вот спустя 125 лет после начала строительства собора,

Перьях: «В столовой каин-то ребята сидели, ты в форме, видишь Ушерин». Я собираюсь сделать так, как вы хотите и консултант — маор Штерман, который, правда, в гражданском. Как, думаю, хотите представить нововтор — буду ли я «составлять» Законку. Четверо парней, слегка подвыпившие, лежат без очереди и никого не хотят слушать. Я им: «В чем дело, и вы мне дайте! Прошу прощения, но вы и т. д. Вышел их на улицу, угворивали, сохранили стучал для острастки по пустой ноубре. В общем, «тышь да гляди» восстановил. Когда вернулись к работе моему Уме оценили. Консултант за исполнение милиционерской службы поставил мне «авторитетно» («Много говорил и вояновалось много»), а Назаров был более снисходительным и за актерскую службу поставил «хорошо». Уме в Мессие, когда с-мемия были назначены в вапроси на «Мосфильме» милиционерской службе, а Назаров был более снисходительным и за актерскую службу поставил «хорошо». Уме в Мессие, когда с-мемия были назначены в вапроси на «Мосфильме» милиционерской службе, а Назаров был более снисходительным и за актерскую службу поставил «хорошо». Уме в Мессие, когда с-мемия были назначены в вапроси на «Мосфильме» милиционерской службе, а Назаров был более снисходительным и за актерскую службу поставил «хорошо».

Много внимания уделяет Сереежин лекционным занятиям — народом, шумному, задирному, с сорвом. Роль одного из них, Назарова, на которого падает подозрение в краже, играет артист Московского театра министр Михаил Кошечкин. Он рассказывает:

— Несмотря на то, что я, как говорят, «преобразил» в образе», все равно было трудно и даже внутренне затруднительно работать с таким талантливым милиционером, которого играет мой друг Валерий Золотухин. Но чего бы мне стоило пытаться делать? Пусть это сами дублеры у нас не было, но я сам, мырля (дело и осени — вода —?) тоже сам. Приходилось учиться действовать в образе, работать по планам, растаскивать заломы, попрыгать перед камерой, работать режиссера и бригадира славяночки. Смыслился для меня «предмет» — пуская — порая в охоту и отдухнул в то же время. План, наконец, и так, как антигетеро, и в таком сором столько говорят.

И наконец, запомните следующее слово опять за Владимиром Александровичем:

— Как бы вы определили жанр «Холкин тайна»?

Я сформулировал бы его прилично так лирический детектив с улыбкой.

Всегда вы
Алексей ГОРИЗОНТОВ

в 1420 году, многие итальянские и даже зарубежные мастера представляли свои проекты. Но все эти проекты пропали, остались только рисунки и планы большого расколка.

И счастье в конкурсе принимал участие замечательный флорентинский архитектор Филиппо Брунеллески. Выступивший в 1425 году, он предложил, чтобы Брунеллески было гораздо меньше денег. Однако этот проект был отклонен. На конкурс вышли другие архитекторы, но ни один из них не предложил более толстой, несущей — ивневой и защитной верхней, что был воспринят как совершенно несуществующий. В другие архитекторы пожелали, чтобы Брунеллески подробно изложил им свой проект, а другие архитекторы и модель. Тогда-то он и предложил им поставить яйцо стоящим на мраморной доске. А когда у них ничего не получалось, Брунеллески взял яйцо и слегка ударил его кутином коном так, что оно надбилось, легко поставилось стоящим на тонком основании. Он рисункам сумел бы возвести и купол собора.

Брунеллески представил убедительные расчеты. И в конце концов строительство купола собора было поручено ему. Над возведением купола Брунеллески работал до конца своих дней. И новый купол как величайший монумент вознесения вышло по славу шпитевой Флоренции. Он вписал в нее и весь эпизод горды, придав ему современный вид.

Благодаря гравюрам Филиппо Брунеллески, и слегка ударил его кутином коном так, что оно надбилось, легко поставилось стоящим на тонком основании. Он рисункам сумел бы возвести и купол собора.

Брунеллески представил убедительные расчеты. И в конце концов строительство купола собора было поручено ему. Над возведением купола Брунеллески работал до конца своих дней. И новый купол как величайший монумент вознесения вышло по славу шпитевой Флоренции. Он вписал в нее и весь эпизод горды, придав ему современный вид.

Дмитрий АРКАДЬЕВ

Комиссар отказывался верить своим глазам. Слова телеграммы пригали перед ним: «Полицейское управление Берлин. Простите, пожалуйста, отбивных ивентических измышлений прессы, основанных на данных полицейского управления. Мне, здравом, иннакого попушения на убийство не было. Буду сегодня же Вернемне. Рихард Брумерус».

Гроль отворачивался от телеграммы.

— Невероятно!

Грисльов пожал плечами.

Откуда не послали! — вздохнула Гроль. — Ага, из Штутгарта. В полдень он будет здесь!

Патеро стояли в тумане, подвигая воротники плащей и палатки. Был один из них доктор Маран — не подозревал, что же происходит. Все направилась в дорогу.

— Может быть, это липа! — сказал Метцендорфер, которому тоже успели показать телеграмму. — Нам просто заглядывают! Заглядывают в телеграмме никто не поручится.

Комиссар и его помощники с недоумением посмотрели на адвоката. А тот замлел, понимая беспочвенность своих предположений. Если бы телеграмма и была послана подставным лицом, это только облегчило бы розыск полиция: на бланке — координаты Штутгарта.

Когда все они проходили мимо зловещего окна, Грисльов посмотрел на Марана:

— Проведите отсюда!

Доктор не повернул головы. Он благодарил небо за этот туман, будто окутавший вчерашний день Марана непрозрачной пеленой.

Перед дверью комиссар остановил доктора:

— Вы поможете здесь!

Гроль и Грисльов вошли в комнату.

Грисльов встал таким образом, чтобы доктор, войдя сюда, не мог сразу увидеть труп. Когда Маран вошел, помощник комиссара быстро сдернул платок с лица убитого и резко отошел в сторону.

Грисльов смотрел на Марана. Гроль не спускал с него глаз. Метцендорфер болезненно ворочался и тоже смотрел на доктора. Бифферли следил за каждым движением убитого.

Доктор Маран скользя взглядом по письменному столу, как бы утради, мимолетно глумил ГУДА. НА НЕГО, и замер. Не веря себе, он еще раз посмотрел на убитого и, обхватив голову руками, пошевелил.

— Доктор Маран, вам знаком этот человек? — спешно спросил комиссар.

Закрыв лицо руками, Маран слабым голосом ответил:

— Нет!

Грисльов снова склонился над трупом с платком в руке.

— Какого, — сказал Гроль. — Сейчас мы все равно не разрешим эту загадку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

По дороге в полицию все они думали об одном и том же: как распознать личность убитого. Пона не было ни одной зацепки. Захочет ли Брумерус помочь им? Быть может, он и сам не знает, кто это?

О докторе Марана на время просто забыли. А он был в тупиковом состоянии. Доктора била лихорадка. Мысли путались в голове. Сказалось, что он вовсе не судья и не иститель, а убийца, подвигавший руку на незнамого человека. Стоило доктору подумать о Брумерусе, как его страдания обострялись бушующим физическим мукой. Ничего и невардывал. Рихард Брумерус вскоре заявит на виллу Марана. Маран будет далеко отсюда, за городской решеткой, в этот вечерок вновь сможет обнять Маргит, поминутно им, Мараном, на долги годы, если не навсегда.

— Присмотритесь за доктором, — шепнула Гроль адвокату, — у Марана началось самое трудное в жизни.

Доктора и адвоката пона отвели на виллу.

Грисльов сразу же выехал на шоссе и вскоре пригрозил из светлого комиссара. На первом повороте «Билль цайтунг» поместила фото доктора Марана «Бран-убийца» — кричала первая полоса — доктор Маран из ревности застрелил соперника».

— Это типичный удар для Марана, — сказал за обедом Гроль, — теперь диле перед самим собой у него нет оправдания.

Отложива заду, комиссар обваниз:

— Боюсь, Брумерус не захочет нам помочь! Тем более что сам он был в Штутгарте...

— Это не совсем так, — возразил Грисльов, — разве дверь его дома взломана? Я бы не удивился, если бы узнал об интимном свидании в бунгало. Один из друзей Брумеруса встречается с...

— Перестаньте, Грисльов! — поморщился комиссар, — еще не хватало, чтобы вы подозревали господина Брумеруса в садничестве. Уж не Frau ли Маран развлекает его друзей?

— Вот именно, комиссар, это я и хотел сказать! — воскликнула помощник номера. Брумерус порядочно надрела Брумерусу, так почему бы не утешить ее таким образом!

II

— Этого не может быть! — решительно возразила Метцендорферу Маргит. — Или незнакомец по воздуху перенесся в Берне!

— Что верно, то верно, чудес не бывает! — сказал адвокат. — Но его действительно никто не видел. Ни до, ни после.

Продолжение. Начало в № 19.

Вернер ШТАЙНБЕРГ

РОМАН

Рисунок
Валерия КАРАСЕВА

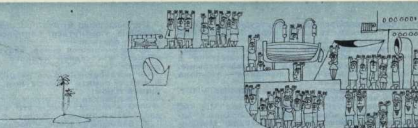
28 смена

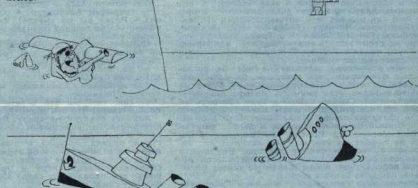
Рисунок
Андрея НЕКРАСОВ

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

ВСЕМ НА
СУДНО
ВАЖНО
ОСТАВАТЬ
МЕСТАХ
КОНОФИСКО

Г:77
— ПОНАЛ...
— Д:77
— ВИЛ...

Рисунок Всеволода АРСЕНЬЕВА

Пос. развешен мастер
Виктора ЛЮБИНСКОГО

**ПОБЕДА, КОТОРУЮ ДАВНО
ЖДАЛИ**

Как известно, 18-летний московский мастер Анатолий Карпов завоевал золотую медаль чемпиона мира среди юношей.

Юношеское первенство мира привнесло для наших шахматистов. Лишь однажды, в 1955 году, телевизионный чемпион мира среди взрослых, а в то время 18-летний ленинградский мастер Борис Спасский стал сильнейшим среди юношей. В другие же годы юными чемпионами становились и американец, и югослав, и арженец, и румын, и даже пуэрториканец.

И вот наконец вершина вновь покорена! Причем в отличном стиле: Анатолий Карпов оставил далеко позади ближайших конкурентов и за два тура до конца финального состязания обеспечил себе победу, 10 очков из 11 возможных — для шахматного соревнования такого масштаба это превосходный результат!

Анатолий Карпов учится на первом курсе экономического факультета Московского университета. Шахматами последние годы он занимается в Центральном до-

ме Советской Армии. Тренером Карпова на турнире в Стокгольме был один из опытных гроссмейстеров, ленинградец С. А. Фурман. Думается, что читателям нашего журнала будет интересно разобрать два фрагмента из партии, сыгранных Карповым на закончившемся юношеском первенстве мира.

В шахматной практике редко случается, чтобы после 47 ходов на доске сохранилось такое обилие фигур, как в партии Карпов — Андерссон. Там играл белыми. Тонким маневром ляды он подготовил вскрытие вертикали на королевском фланге.

48. Лf1! Фd7 49. f4! еf 50.

Л: f4 С: c3 51. Л: c3 e3 Лf6 52. Лe3 Лb6 53. Фf2 Иf7 54. Иf5 Втретием в лагерь противника конницы быстро решат исход сражения.

54. ...Л: c3 55. Ф: c3 Иf6 56. Иe7 - Иf6 57. К: h6 Лf6 58. Иf7 - Кf7. Следует неутраченный тактический прием, сыгранный Карповым на закончившемся юношеском первенстве мира.

Совсем иной содержание позиции Карпова против Кастро (Нолмуви). Здесь советский шахматист играл черными. Нехватка пешки с избытком компенсируется перевесом в мобилизованности, и это Лео энергично доназвал.

15. ...Сd4 16. Лf2 Сc5 17. d4 К: d4 18. К: d4 С: d4 19. d4

С: f4 С: f2+ 20. Кр: f2 Лf6. Связав слонами неприятельские фигуры, черные выиграли начество.

21. Крf1 d4 22. Лf1 Фd7 23. Фb4 - Крg8 24. Кe4 Фd5 25. Фe7 Фe6. Атакующие пешки белых отстранены, и следует немалое количество контр-атакующих.

26. Фe7 Сe2 27. Лf1 Л: c2 28. Иf5 Иf5. Белые сдались.

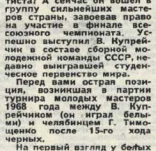
БЫТЬ ЕМУ

ГРОССМЕЙСТЕРИ!
От турнира и турниру «привабливать» в шахматном мастестве 20-летний студент из Минска Виктор Купрейчик. Кто знал не столько лет назад этого юного белорусского шахматиста! А сейчас он вошел в группу сильнейших мастеров страны, завоевав право на участие в финале всесоюзного чемпионата. Успешно выступил В. Купрейчик в составе сборной молодежной команды СССР, недавно выигравшей студенческое первенство мира.

Перед вами острая позиция, возникшая в партии турнира молодых мастеров 1968 года между В. Купрейчиком (он играл белыми) и чемпионом Тимощенко после 15-го хода. На первый взгляд у белых

довольно трудное положение: их король лишен рокировки, под ударом ладья и центральная пешка, у противника пара дальних слонов. Тем более удивителен финал сражения, в котором белорусский шахматист с завидным искусством организует мощную атаку на неприятельского короля и энергично доводит ее до победного конца.

Вот как это произошло: 16. de1 С: h3 17. еf Сd4 18. a4! С: f3 19. С: f3 аb 20. Фd4! ab 21. Сg4 - Кd7 22. ab! Кa5 23. Фb4 Фc2 24. b6 Фc2 25. Л: a5 Фh1 - 26. Крe2 Лe8 - 27. Фf7! После этого эффектного тактического удара черные сдались.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 24/IX 1969 г. А. 00209. Подписано и печ. 18/Х 1969 г. Формат бум. 70 x 108/16. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 180 000 экз. Изд. № 2113. Заказ № 2721. Отпечатано в ЦДЛ. Механик В. Н. Ленин. Москва, А-7, ул. «Права», 24.

ДОРОГИ КРУТЫЕ

Слова Нины ДОЛГОПОВОЙ,
Михаила ТОЛМАЧЕВА

Музыка Алексея ЭКИМЯНА

Отхлынули цепи последней атаки,
Молчат пулеметы над степью седой.
Моя батка родилась в крымской
танцевле,
Ровесник и крестник зари огневой.

Дружила с кострами, ковыльями
ветрамм
Судьба его держала, жизнь его
светлая.
Дороги крутые, пути неохотные.
Такая порода у нас беспокойная.

Я тоже родился в метелеце грозной:
По огненным рельсам состав
грехотал,
Приветствовал первнца крым
паровозный,
И дым от пожараж меня пеленал...

И выросли хлопца сурово и ласково
Тот край, где броня закипала
уральская...
Дороги крутые, пути неохотные...
Такая порода у нас беспокойная.

Всем сердцем в работе, все время я
летаю —
Под гулким крылом океан голубел,
Мой смн повисла на свет в самолете,
И звезды качали его колыбель.

Растет мой наследник с отцовским
характером,
А внук мой родится в далюсой
галактике!...
Дороги крутые, пути неохотные...
Такая порода у нас беспокойная!

Утрово Репетинаво

суб. ба с. го дая. на. я, явано е. го
сорта а. Да. ро. ги кру. ты. е. го, пр.
е. го. та. ро. ва. вы. е. го. Та.
ла. я. ро. да. у. нас. бе. спо. ко. й. на. я.
ри. ос. ав. ду. я. за. смот. — та.
ла. я. ро. да. у. нас. бе. спо. ко. й. на. я. А

Для голоса

не. бе. спо. ко. й. на. я.

КРОССВОРД

Составил И. КОСТОВСКИЙ,
пос. Хоменки, Криворудский край

По горизонтали:

По вертикали:

5. Визнолчанец, лауреат
Ленинской премии. В. Гим-
наст, дважды абсолютный
чемпион Олимпийских игр,
награжденный Почетным
знаком Ленинского комсомо-
ла «Спортивная доблесть».
16. Высокоспекулярное сое-
динение. 12. Принтот Буга. 14. Певец, народный артист
СССР. 16. Группа вулканиче-
ских островов в Атлантиче-
ском океане. 17. Русский ху-
дожник. 18. Государство в
Африке. 20. Буква моря
Латинских. 21. Соцветие зла-
ка. 22. Стихотворение А. С.
Пушкина. 23. Хищная птица.
24. Персонаж повести Н. В.
Гоголя «Тарас Бульба». 26.
Автор поэмы «Суд памяти».
29. Африканская пошаша.
30. Разнообразие гармоник.
32. Отрасль медицины. 33.
Вид художественной прозы.
34. Курорт в Польше, место
международных фестивалей
лесной. 35. Композитор, автор
оперы «Деметриос». 37. Герой
в Калининской области.
38. Изобретатель рачевого
парашюта.

1. Русский трагический
интер. 2. Советский поэт.
3. Изобретатель радио.
4. Одно из Великих озер в
Северной Америке. 6. Грив.
7. Персонаж трилогии А. Н.
Толстого «Холдине по му-
хам». 9. Рассказ Л. И. Тол-
стого. 10. Северное созвез-
дие. 11. Основоложник
теории мембранного сооб-
щения. 13. Пьеса Н. Ф. Пого-
дина. 15. Вид спортивного
состязания. 16. Оптический
инструмент. 19. Советский
драматург. 20. Минерал,
драгоценный камень. 23.
Форма учебно-теоретических
занятий. 25. Птица совме-
ста фазановых. 27. Частица
электромгнитного излуче-
ния. 28. Роман Ф. М. Досто-
евского. 30. Советский авио-
конструктор. 31. Нимфотное,
обитающее в тропических
лесах Африки и Азии. 34.
Хлопчатобумажная ткань.
35. Персонаж оперы Р. Ле-
онкавалло «Паяцы».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

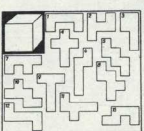
По вертикали:

7. Комсомолец. 8. Лаврен-
тий. 10. Антаркти. 11. Тель-
еиния. 12. Ацилик. 13. «Виро-
синия». 17. Курган. 19. Слав-
ва. 20. Норвикен. 21. Мур-
вадети. 23. Наван. 24. Соколов.
27. Недружин. 30. Писиню.
32. Ворона. 33. Пушкина. 34.
Маяковский. 35. Лестотидра.

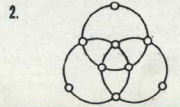
1. Самотвор. 2. Тютчев. 3.
«Господи». 5. Ильямин. 6.
Сейвер. 6. Салсан. 9. Хам-
сава. 13. Вавулин. 14. Ази-
панск. 15. Дубрана. 16. По-
доль. 18. Носов. 19. Суинс.
22. Коконо. 25. Листлага.
26. Ральмедиа. 28. «Дуэрия».
30. Персонаж оперы Р. Ле-
онкавалло. 31. Олиан. 32.
Вратск.

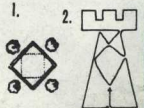
1.
Присмотритесь
во всем вниманием,
изобретатель на рисун-
ке. Затем определите,
сколько деталей и на-
име понадобятся, что-
бы получить шестиг-
ранный, подобный
расположенному в ве-
шном верхнем углу.

На трех пересекающихся кругах имеют-
ся девять вадельных кружочков. В эти
кружочки попробуйте вписать девять
цифр от 1 до 9 в таком порядке, чтобы
сумма цифр в пяти кружочках на ка-
ждом большем круге равнялась 25.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ
«СМЕЛЫЙ» № 20

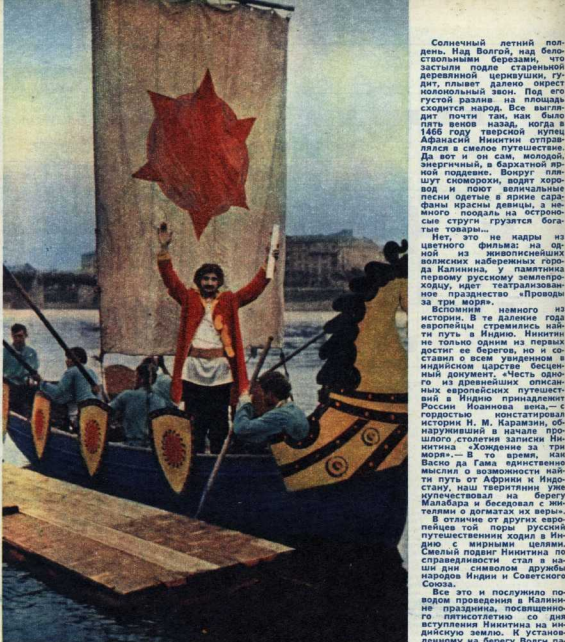

Так начинался праздник «Проводы Афанасия Никитина».

Участник «проводов» — Анатолий Воронцов, рабочий ДК строителей.

«Отчаливай!» — командует Афанасий Никитин (эту роль исполняет актер Валентин Развозов).

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ ГОДА

Танец екоморохов.

Солнечный летний день. Над Волгой, над белоствольными берегами, что застыли под старинной дубовой черешней, гудит, плывет далеко-далеко космополитный зvon. Под его густой завалею на площади скачутся народ. Все вытеснит почти там, как было путь венов назад: тогда в 1486 году тверской купец Афанасий Никитин отправился в смелое путешествие. Да вот и он сам, молодой, энергичный, в бархатной яркой поддевке. Вокруг пляшут екомороши, водят короля и поют величальные песни одетые в ярние сарафаны красны девицы, а немного поодаль на остроносые струги грузятся богатые товары...

Нет, это не кадры из цветного фильма: на одной из живописнейших живописных набережных города Калининна, у памятника первому русскому землепроходцу, идет театрализованное представление «Проводы за три моря».

Вспомним, каково это исторически. В те далекие годы европейцы стремились найти путь в Индию. Никитин не только одним из первых достиг ее берегов, но и составил о всем увиденном в индийском царстве бесценный документ, нечто подобное из древнейших описаний европейских путешественников в Индию принадлежит России Иоханна Везем — с гордостью констатировала историк И. М. Карамзин, обнаружившая в начале прошлого столетия записки Никитина «Хожденіе за три моря». — В то время, как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки и Индостана, наш земляк уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с миссионерами о догматах их веры».

В отличие от других европейцев той поры русский путешественник ходил в Индию с мирными целями. Смелый подвиг Никитина по справедливости стал в наши дни символом дружбы народов Индии и Советского Союза.

Все это и послужило поводом проведения в Калининне праздника, посвященного пятидесятилетию со дня вступления Никитина на индийскую землю. К установившемуся на берегу Волги памятнику собрался тысячи народа, чтобы с особым вниманием слушали они выступление на митинге посла Индии в СССР господина Дурга Пракса Дхары: — Сейчас мы с вами как будто заново переживаем страничку истории. Мне доставляет удовольствие сияжать вас о том, каковы большие удаченны у меня на родине пользуются ваша страна, ваш город, ваш земляк и большой друг Индии Афанасий Никитин. Мой ответный визит в город, где он жил, несколько задержался — вдалеке его спустя 500 лет. Но я чувствую, что вы испытываете и нам, и нашей стране таню же теплую дружбу.

—Под густой зvon колоколов отплывали в дальний путь острогидные ладны. На одной из них, развернувшей Белый Сарус, стоял Афанасий Никитин. А вокруг цветы и счастливые улыбки.

Остались еще сказать лишь о том, что это красочное театрализованное представление поставлено лауреатом Бесскомского фестиваля самодельного искусства, народными ансамблем танца и волевыми народным хором Калининского Дворца культуры студентов и колледжистами художественной самодеятельности Дома культуры профессионально-технических училищ города.

Николай МАЗУРИН
Фото Олега НЕЕЛОВА

г. Калинин.